Статьи. Исследования

Артем Маслов

Неслучайные очевидцы Троянской войны, или Еще раз о времени и правде свидетельства в средневековой традиции

В статье рассматриваются процедуры обобщения и конкретизации тех воображаемых обстоятельств, которыми сопровождалось создание либо обретение «аутентичных свидетельств» о Троянской войне в позднеантичной и средневековой традициях. Если для составителей латинских прологов к «дневниковым записям» участников легендарного конфликта — Диктиса Критского (III–IV вв.) и Дарета Фригийского (V–VI вв.) — определение смысла и функций «аутентичного рассказа» о прошлом четко связывалось с процессом его интерпретации потомками, то целый ряд произведений классического и позднего Средневековья скорее всего был отмечен принципиально иным восприятием. Соотнося средневековое понимание подлинности свидетельства с привычным для этой эпохи представлением о вневременном характере истины, автор уделяет специальное внимание репрезентации Дарета и Диктиса в таких широко распространенных текстах, как старофранцузский «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора (ок. 1165 г.) и латинская «История разрушения Трои» Гвидо делле Колонне (1287). Отличительной особенностью данных сочинений кажется довольно уверенное сближение «троянской» и «греческой» версий, а также отсутствие четких разграничений между воссозданием конфликта и определением его роли для потомков, между живым опытом участия в военных действиях и их формализованным описанием. Сходными чертами

Маслов Артем Николаевич — историк, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средневековых цивилизаций, заведующий центром исторической и культурной антропологии. Научные интересы: история Средневековья и раннего Нового времени, рецепция культурного наследия античности, история идей. E-mail: maslovartem@yandex.ru.
Artem Maslov — historian (Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod), PhD in History, Associate professor of the Department of History of Medieval Civilizations, Chief of the Center of Historical and Cultural Anthropology. Research interests: medieval and early modern history, reception of classical heritage, history of ideas. E-mail: maslovartem@yandex.ru.

характеризуются и некоторые другие псевдоисторические повествования XIII–XV вв., прямо или опосредованно связанные с линией Бенуа и Гвидо. Несмотря на то что каждый из разобранных текстов содержит уникальные детали, воспроизводство правды о величайшей войне древности ее «истинными участниками» более не рассматривается как случайное явление, которое может быть наделено ценностью и осмыслено лишь по прошествии времени.

Ключевые слова: репрезентации прошлого, свидетельство, псевдоисторические сочинения, анахронизмы в средневековой традиции

Artem Maslov
Not Accidental Eyewitnesses of the Trojan War, or Once Again about Time and Truth of Evidences in Medieval Tradition

The paper deals with generalization and concretization of the imaginary circumstances which accompanied composing or invention of "authentic eyewitnesses' accounts" in late ancient and medieval Trojan legends. Whereas the writers of the Latin introductions to the pseudo-diaries of two "real participants" of the famous conflict, "Dictys Cretensis" (3th/4th century AD) and "Dares Phrygius" (5th/6th century AD), linked significance and functions of these "truthful reports" to their interpretation by posterity, a number of texts of the High and Late Middle Ages was marked most likely with quite different understanding. By correlating medieval views on witness' authenticity to the standard opinion of the period about timeless character of truth the author paid particular attention to the representations of Dares and Dictys in such widespread works as the Old French *"Roman de Troie"* of Benoît de Sainte-Maure (c. 1165) and the Latin *"Historia destructionis Troiae"* of Guido delle Colonne (1287). It is a certain rapprochement of the "Trojan" and "Greek" versions that seems to be a specific feature of these representations, and another is lack of a clear distinction between the war events' narration and tracing of their role for the future, between the "live experience" of participation in the battles and their rigorously formalized description. Similar elements are found also in some less known pseudo-historical writings of the 13th–15th centuries related directly or indirectly to the circle of Benoît and Guido. Despite the presence of unique details in every analyzed text the procedure of replication of the truth about the greatest ancient war is no longer considered there as an accidental event that could get its real value and significance only after a period of time.

Keywords: representations of the past, eyewitness report, pseudo-historical writings, anachronisms in medieval tradition

Последние два-три десятилетия отмечены ростом интереса к средневековым псевдоисторическим текстам о Троянской войне[1].

1 Широкий пласт специальной литературы, посвященный средневековым легендам о Трое, регулярно пополняется основательными монографиче-

Они привлекают медиевистов как четкой сопряженностью с политической мифологией [Beaune, 1985; Eley, 1991; Ingledew, 1994; Waswo, 1995; Poucet, 2003; Federico, 2003; Innes, 2004; Shepard, Powell, 2004; Görich, 2006; Solomon, 2007; Keller, 2008; MacMaster, 2014][1], так и специфической жанровой неопределенностью, превращаясь тем самым в ценнейший материал для изучения фундаментальных проблем культуры письма, понимания авторства, практик перевода и подражания в Средние века, а еще общего вопроса о границах между историографией и литературой. Впрочем, эта вторая ипостась средневековых сказаний о Трое исследована пока весьма фрагментарно и в отличие от этногенетического ракурса интерпретируется по преимуществу на уровне отдельных языковых традиций[2]. Она сравнительно редко обсуждалась в метакомпаративном ключе с привлечением поэтических и прозаических текстов, созданных в разных частях западного мира и выполнявших подчас довольно несходные функции.

К числу основных задач, которые могут быть поставлены при разговоре об «историографическом заряде» разнообразных легенд Троянского цикла, относится, безусловно, их анализ в связи с темой *анахронизмов* в средневековой традиции. Эта предметная область, разрабатываемая современными историками не так интенсивно, как смежная тема ренессансного «чувства исторической перспективы»[3], все же подверглась на протяжении второй половины XX — начала XXI в. определенной коррекции. Средневековые произведения,

скими исследованиями, сборниками статей и публикациями источников [Benson, 1980; Brunner, 1990; Fochler, 1990; Baumgartner, Harf-Lancner, 1995; Jung, 1996; Rigall, 1999; Harf-Lancner, Mathey-Maille, Szkilnik, 2006; Wolf, 2008; Witalisz, 2011; Amato, Gaucher-Rémond, Scafoglio, 2014] Особого упоминания заслуживает и специализированный журнал, который издается с 2001 г. группой «Brepols Publishers» [Troianalexandrina, 2001–2015].

1 Необходимо упомянуть, что в конце XX — начале XXI вв. специалисты все чаще усматривают в различных средневековых манифестациях троянской темы черты своеобразной «контрмифологии» и критики властных претензий, основанных на преданиях о «троянском происхождении» отдельных западных династий или народов [Patterson, 1991; Simpson, 1998; Federico, 2003, p. 1–28; Kallendorf, 2007; Liu, 2011; Bruckner, 2015]. Некоторые крайности подобного подхода не так давно обсуждались в нашей статье [Маслов, 2013].

2 Среди работ, которые сочетают добротный теоретический анализ темы с привлечением разнообразных — в языковом и стилистическом плане — текстов (включая ряд произведений о Трое), необходимо отметить монографию Д. Грина и подготовленную П. Эйнсвортом главу коллективного труда «Историография в Средние века» [Green, 2002, p. 134–201; Ainsworth, 2003]. Небольшой обзор собственно «троянского» материала не так давно представлен М. Десмонд [Desmond, 2011, p. 139–144].

3 Мы не имеем возможности рассмотреть здесь то, как эволюционировало изучение ренессансного чувства прошлого за время, прошедшее с публикации классических работ П. Берка и Т. Грина [Burke. 1969; Greene, 1982,

повествующие о древности, долгое время считались кладезем примеров для известного тезиса об отсутствии у писателей и читателей Средневековья должной дистанции по отношению к прошлому [Paris, 1889, p. 75, Панофский, 2006, с. 152]. Лишь по мере усложнения исследовательского вопросника и тематизации так называемых рецептивных практик на первый план стало выходить осмысление средневековых анахронизмов как производных от определенной техники (либо техник) письма и в тесной связи с категорией диалога между конкретным автором и его аудиторией, с проблемой соотнесенности их ожиданий и т.п.[1] На уровне обобщений тезис о непременном отсутствии у писателей и читателей Средневековья чувства исторической дистанции эволюционировал в более осторожные, опосредованные структуралистским видением, формулы, наподобие той, что приводится на страницах известной монографии Бернара Гене: «В мире, который всегда стремился *оправдать настоящее с помощью прошлого* (курсив наш. — *А. М.*), стремление к эффективному обучению и воспитанию читателя заставляло автора и художника меньше демонстрировать самобытность прошлого и больше подчеркивать его актуальность» [Гене, 2002, с. 276][2].

Не пытаясь развивать или оспаривать подобного рода положения, мы хотели бы перевести разговор об анахронизмах средневековой

---

p. 28–53]. О ряде характерных изменений и новшеств в интерпретации данной темы см. [Burke, 2001; Nagel, Wood, 2005, Nagel, Wood, 2010].

1 Об актуализации данной проблематики в современной исследовательской литературе, прежде всего на материале старофранцузской историографии и романной традиции XII–XIII вв., см. [Raynaud de Lage, 1976, p. 158; Bezzola, 1963, p. 148–149; Frappier, 1964, p. 24; Cormier, 1974; Petit 1985, t. 1., p. 419–439; Petit, 2002; Spiegel, 1993, p. 101–115; Duval, 2008a, Malatrait, 2011, S. 137–150].

2 Чуть выше Б. Гене пишет: «У средневековых историков не отсутствовало чувство прошлого. У нас масса данных, подтверждающих обратное. Но им не хватало знаний, и они не в состоянии были передать в изображениях прошлое так, как им того хотелось» [Гене, 2002, с. 275–276]. Поскольку цитируемый фрагмент книги Гене посвящен различиям между репрезентациями прошлого на текстовом и иконографическом уровнях, заметим, что и в случае с иконографией популярный образ «античных героев в средневековых одеждах» уже давно не считается единственно возможным. Применительно к нашей теме будет уместным вспомнить о классической работе Х. Бухталя [Buchtal, 1971, p. 34–35], показавшего, что ряд иллюстрированных рукописей с текстами о Троянской войне характеризуется определенной «ориентализацией» (экзотизацией) внешнего облика персонажей, которая может свидетельствовать о той или иной степени дистанцирования древних событий от современности. В справедливости подобных суждений легко убедиться и на примере множества других иконографических памятников Средневековья, наделяющих разные аспекты греко-римского прошлого атрибутами своеобразной территории иного.

традиции в несколько иное поле обсуждения, связав его с характерной для данной эпохи топикой *вневременности правды* и уделив основное внимание выбору средневековых писателей между различными уровнями конкретизации тех обстоятельств, которыми сопровождалось воображаемое возникновение или обретение «истинного» свидетельства (либо свидетельств) о Троянской войне. Нам также интересно, какими специально оговариваемыми средневековым нарратором последствиями оборачивается (и оборачивается ли) возможная противоречивость исходного рассказа.

Нелишне подчеркнуть изначальную двусмысленность обращения к деталям подобного рода в текстах, которые зачастую претендовали и на воспитание (обучение) аудитории, и на ее *развлечение*. При разных настройках исследовательской оптики сам факт апелляции к якобы неизвестному ранее свидетельству — реальному или фиктивному[1] — может быть показателен и как прием утверждения рассказчика, и как способ его растождествления, переформатирования «обосновывающего нарратива» в пространство интерпретационного (и идентичностного) диалога либо конфликта. В этой связи предпринимаемый далее разбор правильнее считать не решением, но вариантом дополнительной концептуализации двух аспектов проблемы, обозначенных выше. Не претендуя на охват всех многочисленных повествований о гибели Трои, мы ограничимся той ветвью легендарного материала, в которой, как нам кажется, относительно полно выражены и историко-мемориальное, и дидактическое, и развлекательное начала.

I

По мере знакомства с подробными повествованиями о гибели Трои, активно распространявшимися на средневековом Западе приблизительно со второй половины XII в., становятся все более занимательными детали, при помощи которых рассказчики поясняли происхождение «правдивых свидетельств» о величайшей войне древности — в первую очередь, разумеется, «Истории» Дарета Фригийского, но иногда (главным образом благодаря знанию текстов

1 В данном контексте, конечно, стоило бы отделить случаи более или менее развернутого освещения судьбы реальных (т. е. наличествующих физически) текстов о Троянской войне, прежде всего Дарета Фригийского и Диктиса Критского, от характерных упоминаний о старинных книгах, с помощью которых писатели высокого и позднего Средневековья подчас обосновывали создание мнимых событийных пластов (вспомним Гальфрида Монмутского) или обозначали очевидную условность всего рассказа (ср. образ Лоллия в «Троиле и Крессиде» Дж. Чосера).

Бенуа де Сент-Мора или Гвидо делле Колонне) и «Дневника» Диктиса Критского [Dares Phrygius, 1873; Dictys Cretensis, 1973]. Напомним читателю, что эти литературные подделки поздней Античности[1], неизвестные составители которых обыгрывали «ущербность» и «лживость» гомеровской версии событий, были восприняты Средневековьем как подлинные рассказы *реальных участников* военного конфликта. Они легли в основу очень необычных представлений о причинах, содержании и последствиях Троянской войны, всерьез и надолго (в целом до XVI–XVII вв.) дискредитировав не только Гомера, но и других признанных античных авторов. Поэтому при обращении к ряду поэтических и прозаических адаптаций этой линии легендарного материала, мы можем в известной степени отвлечься от вопросов континуитета между классическим и сугубо медиевальным прочтением троянской темы, сосредоточившись на относительно чистом ее «штамме», который преобладал на Западе именно в период Средневековья (в случае с иными циклами легенд, например, о Фивах, Энее или Александре Великом, подобное абстрагирование вряд ли уместно).

Средневековый корпус пространных сочинений о Троянской войне, восходящих к Дарету и Диктису, характеризуется разными способами репрезентации подлинных очевидцев конфликта, а также позднейших писателей (в первую очередь Гомера), которые своими сообщениями «затмили» либо «исказили» первоначальную правду. Великолепно эрудированный Иосиф Эксетерский в своей латинской поэме развивает стилистически эффектное (но не вполне прозрачное семантически) противопоставление отвергнутой и гонимой дивной истины, носителем которой выступает «фригийский сказитель», измышлениям «меонийского старца» (т. е. Гомера) и «лацийского Марона» [Joseph Iscanus, 1970, p. 77–78; Иосиф Эксетерский, 2013, с. 31 (ст. 6–26)]. Неизвестный автор простенькой среднеанглийской поэмы «Осада Трои» (первая четверть XIV в.) довольствуется лишь указанием на последовательность пересказа сведений «сэра Дарраса» (sic!) [The Seege of Troye, 1899, p. 1 (*l.* 13–20)][2]. Для обретшей широкую известность «Истории» мессинского судьи Гвидо делле Ко-

1 Среди относительно недавних публикаций, посвященных бытованию «Дневника» Диктиса и «Истории» Дарета в позднеантичном контексте, стоит выделить работы [Schetter, 1987; Schetter, 1988; Merkle, 1989; Merkle, 1990; Merkle, 1996; Merkle, 1999; Beschorner, 1992; Usener, 1994; Pavano, 1996; Bretzigheimer, 2008; Bretzigheimer, 2009; Gainsford, 2012; Lentano, 2014].

2 «So seyde a knyght that ther was, / He was cleped Sir Darras; / He sawe the ende and the order of that batayle; / In Greu he wrot it eueri dele. / A mayster that was full konyng sythyn / From Grewe it turned into Latyn, / And now from Latyn, Got it wote, / A clerke into Englishe it wrote».

лонне (иначе — Гвидо де Колумна) показательно стремление не только обособить «верную запись» события от измышлений поэтов (Гомера, Вергилия, Овидия), но и констатировать наличие у последних некоторых верных сведений [Guido de Columnis, 1936, p. 3–4][1].

В принципе многочисленные переложения текстов самого Дарета, Бенуа или Гвидо, конечно же, различавшиеся с точки зрения целевой аудитории, языка и стиля, эрудиции составителей, способны порадовать исследователя весьма непохожими репрезентациями «истинных свидетельств» о Троянской войне. Черта, которая кажется нам более или менее характерной для целого ряда памятников XII–XV вв., — это наделение троянца Дарета своеобразной тотальностью восприятия описываемых событий, а в случаях, когда наряду с его рассказом в повествовании фигурирует грек Диктис, еще и максимальное сближение «нарративного опыта» двух очевидцев.

На самом деле перед нами явление, совершенно противоположное тем стратегиям, при помощи которых эксклюзивность рассказов «Дарета» и «Диктиса» обыгрывалась их истинными составителями, жившими в эпоху поздней Античности. Нелишним в данной связи будет короткий экскурс, иллюстрирующий особенности преподнесения этих текстов позднеантичной аудитории.

Не секрет, что в латинских версиях «Дневника Троянской войны» и «Истории о разрушении Трои» использовался прием, который не был оригинальным в контексте многовекового знакомства греков

1 «Чтобы событие это расцветало беспрестанными воспоминаниями в умах потомков, перо многих писателей отобразило его своей верной записью. Некоторые же авторы, поэтически обыгрывая правду этой истории, всяческими выдумками переодели ее в разукрашенные измышления, так что в отношении написанного ими слушателям казалось, будто не действительные события они запечатлели, но, скорее, сказочные. Среди них в свое время Гомер, пользовавшийся наивысшим авторитетом у греков, расцветил чистую и простую истину троянской истории чеканным хитрословием, выдумывая многое, чего в действительности не было, и переиначивая то, что было. Ведь он вывел, что боги, почитавшиеся древними язычниками, ополчились на троянцев и сражались с ними, словно живые и смертные люди. Впоследствии этому его заблуждению, — будто давая понять, что не только Гомер был виновником ошибок, — все старательнее следовали и другие поэты, принявшиеся записывать в своих книгах многочисленные выдумки. Отсюда Овидий Сульмонский, развязным стилем наплел всякого во многих своих книгах. Он дополнил обильные измышления новыми, не отбрасывая, впрочем, и подмешанной к ним правды. Также и Вергилий в своей «Энеиде», если о деяниях троянцев, когда касался их, рассказывал, по большей части озаряясь светом истины, то в остальном от выдумок Гомера воздержаться не пожелал».

и римлян с троянской темой[1] и периодически возникавшего среди них желания «подразнить классиков»[2]. Исходным пунктом рассказа и в первом, и во втором случае служило известие об обретении неизвестных ранее записей участника Троянской войны. Конкретные обстоятельства находки (в том виде, как они представлены вступительными текстами к «Дневнику» и «Истории»[3]) свидетельствуют о несколько разных подходах к формированию читательского интереса.

В латинской версии «Дневника» Диктиса[4] на первый план выдвигается довольно длинная цепочка людей, связанных с его *traditio*

1 Различные аспекты трансформации троянского мифа в римскую эпоху рассматривают, в частности, Э. Эрскин и Л. Ким [Erskine, 2001; Kim, 2010].

2 Эта литературная игра, по-видимому, тесно переплеталась с той общей увлеченностью темой подложных свидетельств, о которой довольно часто говорят применительно к позднеантичному периоду [Grafton, 1990, p. 18].

3 Подробный анализ введений, которые помогали позднеантичным читателям «идентифицировать» тексты Диктиса и Дарета, представлен в работах [Mheallaigh, 2008.; Horsfall, 2008–2009; Movellán, 2014]. См. также статью Ф. Пашу, который использует тексты Диктиса и Дарета при обсуждении смежной проблематики [Paschoud, 1995].

4 Латинскому переводу «Дневника Троянской войны» Диктиса Критского предшествует Письмо некоего Луция Септимия, которое адресовано Квинту Арадию Руфину и содержит такие сведения о судьбе греческого оригинала [Диктис Критский, 2002 (1), с. 243–244]: «Диктис Критский, который разделил военную славу с Идоменеем, написал дневник Троянской войны сначала финикийскими буквами, которые употреблялись в Греции под влиянием Кадма и Агенора. Затем, много веков спустя после того, как он от старости умер в Гносе (тогдашнем местопребывании критского царя), пришедшие туда пастухи случайно натолкнулись среди других развалин его гробницы на шкатулку, искусно запаянную оловом. Решив, что это клад, они тут же ее вскрыли, но на свет появились не золото и никакая другая добыча, а книжицы, написанные на дощечках. Поняв, что надежда их обманула, пастухи отнесли находку к владельцу этих мест Праксиду, который преподнес ее римскому императору Цезарю Нерону, заменив финикийское письмо на греческое, ибо язык был греческим. За это он был обильно одарен Нероном». Несколько иначе происхождение греческого текста «Дневника» объясняется в Прологе к нему [Там же]: «Диктис, родом с Крита, из города Гноса, жил в одно и то же время с Атридами, был опытен в финикийском языке и письме, которое принес в Ахею Кадм. Он был соратником Идоменея, Девкалионова сына, и Мериона, сына Мола, — эти вожди направились с войском против Трои, а ему приказали вести летопись Троянской войны. Итак, события всей войны он изложил на дощечках из липы в девяти книгах финикийским письмом. Вернувшись уже стариком на Крит, он наказал, умирая, чтобы книги его были похоронены вместе с ним. Поэтому, как он и велел, упомянутые липовые дощечки похоронили в его гробнице, положив в свинцовую шкатулку. Однако по прошествии времени, в тринадцатый год правления Нерона, в городе Гносе произошли

в широком смысле слова: обнаружением, отправкой в Рим, «дешифровкой» и последующим переводом (пастухи — Евпраксид — Рутилий Руф — Нерон — толкователи, знакомые с «финикийским письмом» — Луций Септимий). Поэтапное постижение подлинного смысла находки должно было напомнить читателям своеобразное детективное расследование. Отсюда и характерный набор герметических деталей (раскрывшаяся могила, искусно запаянная шкатулка, неведомые письмена), и различные уровни восприятия старинных книжиц («клад», «тайна», «труд древнего мужа», «истинное описание» Троянской войны). «Историчность» рассказа подкрепляется намеками на потенциально известные публике обстоятельства: древность финикийского письма, наличие старинных развалин в районе Кносса, увлеченность Нерона греческими традициями и, конечно же, его «роковой» для Рима интерес к теме Трои. Этот последний мотив, кстати, как и критское происхождение «правдивого» рассказчика Диктиса (вспомним Эпименида), может говорить о глубоко ироничном отношении неизвестного автора к тексту «Дневника», польза и подлинность которого, таким образом, остраняются в самый момент их обнародования.

Случай с «Историей» Дарета[1] несколько иной. С одной стороны, составитель предпосылаемого основному тексту письма исходит из же-

---

неоднократные землетрясения, и могила Диктиса раскрылась таким образом, что прохожие могли видеть шкатулку; проходившие мимо пастухи, увидев ее, унесли из гробницы, приняв за клад. Открыв же ее и найдя дощечки, исписанные неведомыми им буквами, тотчас отнесли ее своему хозяину, некоему Евпраксиду. Тот, не понимая, что это за письмо, отдал таблички Рутилию Руфу, тогдашнему консуляру на Крите. Он же переправил их вместе с Евпраксидом к Нерону, полагая, что в них содержится некая тайна. Когда же Нерон их получил и понял, что это финикийское письмо, то вызвал к себе людей, знающих его. Те, придя, все растолковали. Когда Нерон узнал, что это — труд древнего мужа, находившегося под Троей, он приказал перевести на греческий то сочинение, из которого всем стал известен истинный ход Троянской войны. Евпраксида он отпустил к своим, наградив дарами и римским гражданством, а летопись под именем Диктиса взял в греческую библиотеку...» (пер. В.Н. Ярхо).

1 Основному тексту «Истории о разрушении Трои» Дарета предпосылается явно фальсифицированное письмо, в котором якобы переведший ее с греческого языка историк Корнелий Непот обращается к другому знаменитому римлянину — Саллюстию [Дарет Фригийский, 1997, с. 120]: «Среди многих прочих любопытных вещей я обнаружил в Афинах историю Дарета Фригийского, написанную, как указывает надпись на рукописи, его собственной рукой; в этой повести он изложил дела греков и троянцев. Восхищенный, я тотчас перевел ее. Я решил, что не нужно ничего прибавлять к ней или сокращать, изменяя содержание — ведь в противном случае ее могут принять за мое собственное сочинение; я счел за лучшее перевести

лания максимально сократить процедуру распознавания старинной книги и включения ее в общий фонд знаний о Трое. Для этого ему необходимо отправить в Афины известного историка Корнелия Непота, который, обретя записанный *собственной рукой* Дарета рассказ, *тотчас* же переводит оный на латынь. Авторитетность суждений и действий Корнелия (ведь здесь он один отвечает за трансляцию открывшейся «правды») подкрепляется трояким образом: за счет демонстрации доверительных отношений с другим прославленным знатоком прошлого — Саллюстием; благодаря указанию на включенность находки в некое множество иных «ученейших афинских свершений» историка[1]; наконец, при помощи делегируемой ему способности самостоятельно озвучить потенциальные сомнения (или неоправданное одобрение?) публики в случае нарушения норм перевода («в противном случае ее могут принять...»). Вместе с тем окончательное утверждение «истинного рассказа» в правах остается безусловной прерогативой будущих читателей («Сочтут ли они более справедливым то, о чем свидетельствует Дарет.., или же более следует верить Гомеру...?»), а не самого историка. В этой связи упоминание об афинском суде над Гомером, призванное, разумеется, подкрепить позиции Дарета, невольно усиливает воображаемую роль «общественного мнения» и его изначальную неподвластность «эксперту».

Совершенно различные с точки зрения техник манипуляции аудиторией два этих введения к вымышленным рассказам о прошлом совпадают в том, что момент адекватного осмысления и наделения конкретного свидетельства ценностью отнесен в будущее. Обретение каждым из «правдивых» рассказов подлинной *значимости* связано с процедурой их истолкования (в первом случае заботами подданных пытливого императора, во втором — благодаря читателям, но с подачи известного историка), а не создания. Видение Диктисом и Даретом роли собственных текстов никак не оговаривается нарраторами. Диктис, хоть и выполнял, судя по прологу, царское повеление, тем не менее завещал похоронить летопись вместе с собой.

ее на латинский язык дословно, так, как она была написана, просто и правдиво, чтобы читатели могли узнать, как совершились эти события. Сочтут ли они более справедливым то, о чем свидетельствует Дарет Фригийский, живший и воевавший в то самое время, когда греки напали на троянцев, или же более следует верить Гомеру, который родился через много лет после того, как произошла эта война? В Афинах состоялся даже суд на этот счет, когда Гомера считали сумасшедшим за то, что он описал богов воюющими вместе с людьми...» (пер. А.В. Захаровой).

1 Процитированный выше русский перевод («среди многих прочих любопытных вещей») в данном случае не вполне адекватен, см. лат.: «cum multa Athenis studiosissime agerem...».

Публичная оценка записей очевидцев — занятие для потомков, коль скоро, впрочем, им повезет с землетрясениями, увлеченными императорами либо надежными историками.

Все эти подробности, быть может, и не стоили особого внимания, если бы тексты «Истории» и «Дневника» не перешагнули границ позднеантичной литературной игры. Уже в первые столетия Средневековья за ними закрепляется репутация самых настоящих свидетельств о гибели Трои. Как именно разворачивалась эта новая атрибуция, судить сложно. Очевидно, сказались и постепенный распад культурного единства римского мира, и назревшая среди новых элит потребность в развенчании римского мифа, и самый обыкновенный упадок грамотности. Больше всего в смысле популярности повезло рассказу Дарета, стилистическая никчемность которого (признаваемая сегодня всеми филологами-классиками), возможно, расценивалась как воплощение правдивой простоты, радикальное расхождение с Гомером по вопросу о вмешательстве языческих богов — как верность разумному, с христианской точки зрения, взгляду на мир, а нападки на «истинного предателя» Трои Энея[1] — как хороший повод для появления в политической мифологии иных «спасшихся троянцев» и произошедших от них династий либо народов. Так или иначе, но уже для Исидора Севильского Дарет — самый первый историограф среди язычников [Исидор Севильский, 2006, с. 64][2], и подобное восприятие мнимого автора «Истории о разрушении Трои» будет сохраняться в следующие столетия, параллельно с появлением все новых и новых ее рукописных копий[3]. «Дневник» Диктиса на Западе был известен гораздо хуже, и можно сказать, что вплоть до позднего Средневековья он мало распространен в списках. Однако следы знакомства с его содержанием время от времени встречаются у разных писателей, а после создания около 1165 г. Бенуа де Сент-Мором «Романа о Трое» [Benoît

1 Эволюция образа Энея от благочестивого защитника Трои у Вергилия до сомнительного в моральном плане персонажа средневековой романной традиции блестяще прослеживается Ф. Мора [Mora-Lebrun, 1994; Мора, 2001]. См. также [Seret-Dereau, 2001; Spence, 2010].

2 Этимологии. I.XLII.1–2: «У нас же историю от начала мира первым записал Моисей. А у языческих народов первым Дарет Фригийский написал историю о греках и троянцах, про которую говорят, что она была записана автором на пальмовых листьях. После Дарета в Греции первым историю составил Геродот» (пер. Л.А. Харитонова).

3 Среди новых работ, посвященных рукописной традиции «Истории» Дарета, наиболее важной является книга Л. Февра д'Арсье [Faivre d'Arcier, 2006]. Общие вопросы рецепции «Истории» на протяжении Средневековья и Ренессанса недавно рассматривались в статьях Ф. Кларка и В. Проспери [Clark, 2010; Clark, 2011; Prosperi, 2014].

de Sainte-Maure, 1904–1912] (в котором текст Диктиса использовался наряду с «Историей» Дарета) критского очевидца все чаще упоминают вместе с Даретом.

II

Ко второй половине XII в. исходный литературный код, содержавшийся в прологах к текстам Дарета и Диктиса, не считывался даже весьма эрудированными книжниками. Бенуа де Сент-Мор, пересказывая «Историю» Дарета (по-видимому, на манер более ранних старофранцузских адаптаций «Фиваиды» Стация и «Энеиды» Вергилия, но с несколько большим размахом фантазии[1]), сначала напоминает публике про Гомера и его заблуждения: «Гомер, который был дивным клириком, / сведущим и ученым, / написал о разрушении города, / о долгой его осаде и о том, / из-за чего Трою опустошили так, / что впредь она уже не заселялась. / Однако книга его не содержала правды, / ведь нам доподлинно известно, / что рожден он был спустя сто лет / после сбора громадного войска: / Неудивительно, если он обманулся, / коль не был там и ничего не видел. / Когда Гомер закончил свою книгу / и прочел ее в Афинах, / возник неслыханной силы спор: / ему хотели вынести приговор / за то, что заставил богов / сражаться со смертными. / Ему вменяли как чушь / и поразительное безумие / то, что боги, словно обычные люди, / бились у него с троянцами, / а заодно еще и богини / сражались с родом человеческим; / по этой причине, прочитав книгу, / многие отвергли ее. / Но Гомер был в столь великом почете / и так все потом устроил (судя по найденному мной), / что книга его была принята и пользовалась доверием» [Benoît de Sainte-Maure, 1904–1912, t. 1, p. 3–5 (v. 45–74)]. Лишь пояснив роль Гомера, французский поэт приступает к рассказу об обстоятельствах афинской находки. Он демонстрирует наличие каких-то знаний о Саллюстии, но не понимает, что латинское *Nepos* — когномен другого известного автора, и толкует это слово как степень родства («племянник»): «Спустя много лет, / когда уже давно существовал Рим, / во времена доблестного Саллюстия, / коего находили столь важным, / вели-

1 Специфика «Романа о Трое» в тесной связи с другими старофранцузскими «романами об Античности» интенсивно исследовалась со второй половины XIX в. Среди актуальных на сегодня обобщающих исследований назовем труды Э. Пти, Ф. Мора, З. Малятрэ, Д. Мантовани [Petit, 1985, t. 1; Mora, 2008; Malatrait, 2011, Mantovani, 2013]. В отечественной науке данная проблематика разрабатывалась А.Д. Михайловым [Михайлов, 1976, с. 31–47; Михайлов, 2002]. В связи с вопросом о соотношении «романов об Античности» с современными для них практиками историописания см. также работы Д. Келли, П. Дэмиана-Гринта и Д. Грина [Kelly, 1992, p. 68–93; Damian-Grint, 1999, p. 85–122; Green, 2002, p. 134–201].

чавым и высокородным, / и клириком дивным и мудрым, / был у этого самого Саллюстия, — как мною обнаружено, / — некий ученейший племянник / по имени Корнелий, / человек начитанный и образованный. / Превознесенный многою молвой, / он держал школу в Афинах. / Однажды он осматривал армарий, / разыскивая книги по грамматике, / и так славно там покопался, / что среди прочего нашел / историю, написанную Даретом / и выполненную на греческом языке» [Benoît de Sainte-Maure, 1904–1912, t. 1, p. 5–6 (v. 75–92)].

В отличие от исходного латинского текста Бенуа считает необходимым не только представить читателю Дарета, но и объяснить общий замысел древнего труда, а также охарактеризовать качество перевода книги Корнелием и собственного ее пересказа: «Дарет, о котором вы слышите, / был рожден и вырос в Трое; / он оставался там, никуда не отъезжая, / покуда войско [греков] не ушло. / Он выказал немалую отвагу / и в ходе приступов, и в стычках. / Но был при этом дивным клириком / и знатоком семи [свободных] искусств. / Узрев свершавшееся столь великим, / что ни прежним, ни более поздним событиям его не превзойти, / Дарет захотел сохранить эти деяния в памяти / и написал по-гречески историю о них. / Каждый
90 день он описывал то, / что видел собственными глазами. / Все, что они совершали днем в битвах и у стен крепости, / записывал следующей ночью / этот самый Дарет, о котором вам говорю. / Никогда из-за пристрастия [к своим] не пожелал он / отойти от правдивого повествования. / Посему, хоть и был он из троянцев, / но тяготел к своим / не более чем к грекам: / об этой истории он написал правду. / На долгое время его книга затерялась, / была утрачена и неизвестна. / Однако в Афинах ее нашел / Корнелий, который и перевел книгу / с греческого языка на латынь, / благодаря своим способностям и мастерству. / Ныне история эта не в обиходе / и мало где востребована, — / ее, возможно, и не пересказали бы, / но Бенуа де Сент-Мор / воспроизвел ее, составил / и собственноручно записал...» [Benoît de Sainte-Maure, 1904–1912, t. 1, p. 6–8 (v. 93–122, 129–134)].

Мы видим, что средневековый поэт не только наделяет «дивного клирика» Дарета обширными познаниями (франц. *clerc* в данном контексте, конечно, может толковаться как *ученый* или *образованный человек* вообще), но и приписывает ему весьма четкое понимание *исключительной значимости* изображаемых событий, а также завидную *регулярность* в работе над повествованием и, наконец, *отсутствие пристрастности* в ходе составления «правдивой истории»[1]. Единственный элемент, который роднит процитированный пассаж

1 Мы намеренно оставляем за рамками этой статьи сюжеты, связанные с осмыслением у Бенуа и других средневековых авторов «каталога портретов»

«Романа» с письмом псевдо-Корнелия, — это заверения в качественном переводе исходного греческого текста на латынь.

Нет смысла подробно обсуждать то, с каким рвением сам Бенуа де Сент-Мор дополнял и трансформировал лаконичную «правду истории», насыщая свое повествование развернутыми описаниями сражений, диалогами героев, экзотическими деталями и т. д.: эта метаморфоза многократно описана в литературе[1]. Основной сложностью для Бенуа, по-видимому, стало объединение в одном рассказе известий Дарета и Диктиса. Здесь тоже было с чем поработать, ведь даже в плане событийной канвы, позднеантичные рассказы яростно противоречили друг другу[2]. Интересно, что поэт, нивелируя, где возможно, эти различия, никак не акцентировал происхождение текста Диктиса. Упомянув его однажды в прологе своей поэмы [Benoît de Sainte-Maure, 1904–1912, t. 1, p. 34 (v. 649)], средневековый автор вновь говорит о греческом сказителе только ближе к финальной части «Романа». При этом, впрочем, не конкретизируется степень несоответствия «греческого» и «троянского» видения событий: «Могучим рыцарем был Диктис, / а также мудрым и образованным клириком, / достопамятным ученостью своей: / он записал историю наперекор Дарету. / Пребывая за стенами, в греческом войске, / этот мудрый и сведущий рыцарь, / все деяния, какими их знал, / изложил, сколь мог добротно, в своих записях. / Именно от него мы знаем точно, / кто из обитателей города / сговаривался об измене; / и каким образом палладиум / был похищен из храма Минервы / и вынесен грекам; / и как они благодаря обману / захватили ночью Илион; / как взят был город / и предан пламени и пожару; кто умерщвлен был и кто погиб, / а кого из троянцев пленили. / Позже вы услышите, / каким представил Диктис обратный путь [греков] / в те земли, из которых они прибыли, / и чудеса, что приключились / со многими из них, и мучения. / Все, что об этом сказывает сей автор, / без промедления поведаю вам…» [Benoît de Sainte-Maure, 1904–1912, t. 4, p. 6–8 (v. 24397–24423)]. Противоположность двух рассказов («contre Daire rescrist l'Estoire»), таким образом, сводится для читателей «Романа» лишь к греческому происхождению Диктиса и к наличию в его истории данных о заключительном этапе конфликта, неизвестных Дарету[3].

(описаний греческих и троянских вождей), который якобы составил Дарет: они заслуживают отдельного исследования.

1 См. также диссертацию Г.Л. Уоррен [Warren, 1988].

2 За недостатком места укажем хотя бы на то, что в этих текстах абсолютно по-разному определялась длительность Троянской войны: согласно Дарету, непосредственные военные действия продолжались десять лет, а судя по рассказу Диктиса, всего год.

3 Нам сложно согласиться с Д. Ролло в том, что Бенуа де Сент-Мор осознавал фиктивность текстов Дарета и Диктиса и вообще создавал такое повествова-

Характерные для «Романа о Трое» особенности репрезентации «правды очевидцев» (предвосхищение значимости описываемых событий у Дарета и сглаживание противоречий между исходными рассказами) находят продолжение в нескольких более поздних версиях легенды. Пересказавший «Роман» Бенуа латинской прозой Гвидо делле Колонне, который претендовал в отличие от своего французского предшественника (ни разу им не упомянутого) на самый серьезный подход к материалу, даже сомневаясь порой в адекватности сведений «Дарета»[1] или перечисляя отличия его рассказа от сведений Диктиса, не считал необходимым жестко противопоставлять двух древних авторов [Guido de Columnis, 1936, p. 273]. Более того, в прологе к своей «Истории» Гвидо сообщал о почти дословном совпадении старинных рассказов: «Но чтобы в будущем у западных [народов] процветали подлинные записи правдивых составителей этой истории, и особенно на пользу тем, кто грамотен (дабы среди написанного в книгах по грамматике умели отделить истинное от ложного), пусть читается ими впредь то, что мною... в данной книжице собрано [из рассказов] Диктиса Греческого и Дарета Фригийского, которые во время Троянской войны постоянно находились при своих войсках и являлись правдивейшими вестниками увиденного; а все, что ими *словно в один голос* отображено в двух книгах, в Афинах было найдено. Хотя некий римлянин по имени Корнелий, племянник великого Саллюстия, и позаботился перевести эти книжечки на латинский язык, однако он, слишком уж стараясь быть кратким, неподобающим образом опустил те детали истории, которые могли более всего привлечь сердца слушателей» [Ibid., p. 4].

Новым элементом здесь выступает то, что Корнелию приписан перевод на латынь сразу двух текстов — и Дарета, и Диктиса. Ясно, что к подобному толкованию Гвидо подвигало прежде всего отсутствие внятных сведений о происхождении рассказа Диктиса в «Ро-

---

ние, где обыгрывалась принципиальная противоположность живого опыта и свидетельства о нем [Rollo, 1995; 2000, p. 57–96]. Анализ наряду с рассказом Бенуа других средневековых текстов о Троянской войне, как будет продемонстрировано далее, делает возможным и несколько иное заключение. Вместе с тем в случае Бенуа действительно трудно отрицать вероятность некой внутренней, скрытой от слушателей, релятивизации авторитета «очевидцев», о которой писал Ролло.

1 Так, например, столкнувшись с описанием знаменитого зала красот, в котором были установлены волшебные скульптуры-автоматы, Гвидо замечает: «Дарет написал об их облике много такого, что все это выглядит скорее пустыми бреднями, чем правдивой действительностью, хотя бы названный Дарет и верил в их подлинность; поэтому [рассказ] о них здесь опущен» [Guido de Columnis, 1936, p. 171]. На деле речь идет об эпизоде, привнесенном в повествование исключительно стараниями Бенуа де Сент-Мора.

мане» Бенуа. Но ведь в какой-то мере этот ход мог определяться и нежеланием дробить традицию подлинных повествований о гибели Трои. Содержавшие примерно одинаковые сведения, эти повествования, по-видимому, было удобнее представить прошедшими через одного и того же переводчика. Во всяком случае в одной из поэтических адаптаций «Истории разрушения Трои» — среднеанглийской «Laud Troy Book» (ок. 1400 г.) — обнаружение и перевод обоих текстов приписывается самому Гвидо, «нотарию из Рима» [The Laud Troy Book, 1902–1903, vol. 1, p. 3–4 (*l.* 97–103)][1].

Очень похожий вариант сокращения дистанции между двумя версиями встречается нам в «троянском» разделе «Древней истории до Цезаря» («Histoire ancienne jusqu'à César») — текста, появившегося намного раньше «Истории» Гвидо, примерно в 1213–1214 гг.[2] Неизвестный составитель этой старофранцузской прозаической компиляции, пересказывая повесть Дарета (но будучи, безусловно, знакомым с поэмой Бенуа), приписывает афинскую находку и перевод с греческого на латынь Криспу (Crispus), т. е. Саллюстию. Однако здесь речь вообще идет о неком совместном труде Дарета и Диктиса: «Эту историю написал Дарет, который остался с Антенором в Трое. Этот Дарет был славным ученым, он увидел столь великие свершения и приложил [весь] свой ум и знания, чтобы сохранить их. А в греческом войске также был еще один ученый мэтр по имени Диктис — почтенный, сведущий и мудрый. Эти двое с самого начала договорились между собой и трудились вместе, собрали все, что произошло в городе или за его пределами, и занесли в рукопись на греческом языке, позднее переведенную на латынь Криспом, который нашел ее среди прочих вещей в Афинах» [Jung, 1996, p. 401]. Таким образом, понимание содержательной близости двух рассказов, возникавшее, видимо, под влиянием «Романа о Трое» (ведь характеристики Дарета и Диктиса весьма похожи на дефиниции Бенуа де Сент-Мора), оборачивается верой в существование одной-единственной правдивой истории Троянской войны, авторы которой составляют общую *escriture en grijois language*.

О том, что подобное прочтение темы не было уникальным, мы можем судить по тексту, существенно отстоящему по времени от «Histoire ancienne» и вряд ли связанному с ней генетически. Это одно из переложений «Истории» Гвидо делле Колонне на французском языке, созданное около 1459 г. в Бургундии (третья французская

1 «And afftir hem come Maister Gy, / That was of Rome a Notary, / And fond here bokes In Athenes / Afftirwardes when it was pes, / And turned it of Grew into Latyn, / And wrot it faire in parchemyn / In the manere as I shall telle».

2 Текст этого троянского раздела опубликован М.Р. Юнгом по рукописи Paris, BN fr. 20125 [Jung, 1996, p. 359–405].

версия или *Guido C* по классификации М.-Р. Юнга)[1]. В раннем списке этой версии (Bruxelles, Bibliothèque royale, 9652; дата завершения — 15.03.1459), который цитируется Юнгом, происхождение и смысл рассказа объясняется следующим образом: «... я замыслил с Божьей помощью вкратце пересказать эту историю так, как изложил ее мэтр Ги де Каломн (т. е. Гвидо де Колумна. — *А. М.*) и какой он ее обнаружил в записях двух доблестных мужей, которые во время тех событий были [там]: один, по имени Диктис, — в войске греков, а второй, звавшийся Даретом, — в городе с троянцами. Эти двое с самого начала истории рассудили, сколь великими будут события, отыскали друг друга и потолковали на сей счет, условившись, что каждый из них приложит все старания, дабы разузнать происходившее в своем лагере. Так они и поступали во время войны между греками и троянцами, а когда война закончилась, *[...] запись* (выделено нами. — *А. М.*) все ими увиденное и вызнанное об этой войне, чтобы столь возвышенная история сохранилась в памяти такой, какой она была, ради утешения читателей и как пример того, что следует избегать [больших] несчастий, которые порой происходят из малого вследствие надменности и вероломства, — как это случилось с троянцами...» [Jung, 1996, p. 591].

Выделенный фрагмент цитаты с точки зрения синтаксиса явно неточен из-за пропуска какой-то части фразы, но мы находим ее целиком в тексте более поздней рукописи (Paris, Bibliothèque de l'Arsenal, 3326, примерно 1460–1475 гг.), исследовавшейся Ф. Дювалем [Duval, 2008b]: «так они и поступали во время войны между греками и троянцами. А когда война закончилась, они вновь нашли друг друга и свели в одну запись все ими увиденное и вызнанное об этой войне, чтобы столь возвышенная история...» [Duval, 2008b, t. 3, p. 522]. Представление об изначальной осмысленности, строгом ранжировании и «монографичности» правдивого рассказа достигает здесь логического завершения. «Очевидцы»-писатели, так легко обретающие друг друга среди перипетий грандиозной войны, в той или иной мере отчуждаются не только от «партийности» в изложении событий, но и от любой ограниченности в понимании/познании произошедшего. Их правда собрана повсюду и облечена в форму изначально возвышенного рассказа. Интересной параллелью к такому видению роли правдивого свидетеля выступает наделение Дарета и, вероятно, Диктиса статусом герольда в ранее упомянутой «Laud Troy Book»: «Дарет, герольд троянский, говорит [о свершившемся] / и Диктис, который из греков, — / ибо они ежедневно были на поле [боя] / и видели все деяния [воинов], / и оба

1 Чуть позднее эта версия станет основой для третьей книги знаменитого «Собрания историй о Трое» Рауля Лефевра, которое создавалось для бургундского герцога Филиппа Доброго [Jung, 1996, p. 582–590].

записали их точно так, как они происходили...» [The Laud Troy Book, 1902–1903 vol. 1, p. 3 (*l.* 87–90)].

III

Именно образ герольдов в том самом смысле, который приобрело данное «ремесло» (изначально весьма сомнительное и близкое к труду жонглеров или менестрелей) на позднесредневековом этапе[1], кажется удобным для подведения промежуточного итога в разговоре о восприятии Дарета и Диктиса на пике их известности и востребованности. Выявленный общий вектор на сокращение дистанции между двумя правдивыми историями, а также упрощение дальнейшей традиции может объясняться исходя из нескольких причин: отчасти стремлением усилить роль рассказчика (спешащего поделиться истиной из первых рук), отчасти элементарной путаницей в именах или текстах, а где-то, возможно, и нежеланием перегружать публику лишними деталями. Важно, однако, что это ощущение «простоты и неделимости правды», даже поддаваясь вполне прагматическому толкованию, сочетается в рассмотренных текстах не только с желанием предельно формализовать и упорядочить процесс фиксации памяти о прошлом (оно-то как раз наиболее понятно), но и с сохранением причастности двух ученых клириков к *авантюрному* рыцарскому опыту, а также с появлением у них нетривиальной способности «прозревать» величие и славу еще не свершившихся событий.

Интересующий нас способ репрезентации Дарета и Диктиса, конечно, в какой-то мере соприкасается с приемами, которые иногда использовались для символического утверждения всей многоголосой плеяды древних авторов, писавших *нечто* о Троянской войне и не обязательно совпадавших друг с другом в оценках. Выше мы говорили о наличии в обширном поле средневековых рассказов о Трое текстов, чьи составители, опять-таки в силу разных причин, не считали необходимым жестко противопоставлять рассказы «очевидцев» трудам поэтов или позднейших авторов и оказывались весьма равнодушны к различиям между ними. Такой подход обнаруживается, к примеру, в арагонской «Троянской хронике» Хуана Фернандеса де Эредиа [Fernández de Heredia, 2012, p. 213] (между 1385 и 1396 г.), в послесловии Уильяма Кэкстона к английскому изданию «Собрания историй о Трое» (ок. 1474 г.) [Caxton, 1894, vol. 2, p.701–702] и других памятниках. Помимо этого в общей массе конкретных

1 Эволюция функций и статуса герольдов в Средние века неоднократно рассматривалась специалистами [Кин, 2000, с. 226–256; Lester, 1990].

(или не очень) образов древних *auctores* приглянувшаяся нам «геральдическая» метафора может быть проблематизирована за счет других аналогий.

Нелишним в данной связи будет пример с иллюстративным сопровождением печатного немецкого сборника о Троянской войне, называемого обычно «Книгой о Трое» (1470–1480-е гг.)[1] и вобравшего сведения сразу нескольких более ранних трудов, самым старшим из которых является пространная «Эльзасская Книга Трои» (XIV в., до 1386 г.) [Das Elsässische Trojabuch, 1995]. Эта печатная компиляция, известная сегодня в трех версиях[2], интересна для нас иконографическим решением двух тем: а) доверия древним авторам; б) несовпадения их рассказов между собой. Оба случая напоминают о возможности иного, нежели описан выше, взгляда на обретение и верификацию свидетельств прошлого в Средние века.

В аугсбургском издании немецкого сборника о Троянской войне, напечатанном около 1479 г. (*вторая печатная редакция* по классификации Альфена–Фохлер–Линерт)[3], заключительные слова рассказчика (нем.: «Hienach volgent die meyster die vo[n] erstŏru[n]g Troya geschriben habent das ende der materien») сопровождаются простенькой ксилографией, которая изображает, очевидно, чтобы укрепить потенциальных читателей в мысли о «правдивости» всего повествования, восседающего за конторским столом «автора» (рис. 1а). Это собирательный образ, который по идее должен был коррелировать с упоминаниями сразу нескольких писателей (die meyster) древности (Дарета, Корнелия, Гомера, Вергилия, Овидия), чьи рассказы якобы использовались при составлении текста. Помещенные перед писателем грамоты с вислыми печатями выдают в нем специалиста по «фиксации и воспроизводству» истины или во всяком случае ценителя добротной работы с документами.

1 Первое издание данного сборника было осуществлено типографией Иоганна Бемлера (Аугсбург) в 1474 г.

2 Относительно источников и современной классификации первых немецких печатных книг о Троянской войне см. [Alfen, Fochler, Lienert, 1990, s. 104–111; Beck, 2015; Sanz, 2009; 2010]. Последняя статья посвящена сравнительному анализу изображений в первой, второй и третьей печатной редакциях, однако интересующий нас далее сюжет в ней не рассматривается.

3 Известный нам экземпляр второй печатной редакции (опубликованной, возможно, в мастерской Амброзия Келлера) был оцифрован в рамках проекта «Digitale Bibliothek» Баварской государственной библиотеки: [Buch von Troja, Fassung b, [Augsburg], [ca. 1479]. Bl. 149r] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026482/image_301).



Рис. 1. **Изображения «автора» и «свидетелей» в изданиях немецкой «Книги о Трое», датируемых (а) ок. 1479, (б) 1482 и (в) 1489 гг.**

Легко заметить, что картинка специально пропечатана не полностью, и первоначальное изображение включало в себя не только эту фигуру. Полный вариант иллюстрации мы находим в следующей версии троянского сборника, озаглавленном «Ein hübsche Histori von der künngclichenn Stat Troy wie si zerstöret wartt», который был отпечатан Антоном Зоргом в Аугсбурге и датируется июнем 1482 г. (*третья печатная редакция*)[1]. Здесь справа от автора стоят, подняв руки в клятвенном жесте, два свидетеля либо участника сделки,

1 В основе этой версии компиляция сведений из первой и второй печатных редакций [Buch von Troja, Fassung c, Augsburg, 1482.06.12. Bl. 155v] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026479/image_315).

чьи правдивые слова, по-видимому, были только что документированы/заверены «специалистом» (рис. 1б).



Рис. 2. **Изображения «спорящих авторов» в изданиях немецкой «Книги о Трое», датируемых (а) ок. 1479, (б) 1482, (в) 1489 и (г) 1488 гг.**

На самом деле данное изображение было заимствовано из цикла иллюстраций, подготовленных для одного из переводных немецких изданий трактата Родриго Санчеса де Аревало «Зерцало человеческой жизни» (в немецком варианте «Spiegel des menschlichen Lebens»). В нем эта ксилография открывала главу, посвященную нотариусам[1].

1 См. экземпляр иллюстрированного немецкого издания «Зерцала» [Rodericus <Sancius de Arevalo>; Steinhöwel, Heinrich [Übers] [Hrsg.] Speculum vitae humanae, deutsch (Spiegel des menschlichen Lebens). Augsburg, um 1476. Bl. 46r] (http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ir00231000/0119).

Ясно, что в отличие от составителя *второй печатной редакции* «Buch von Troja», который использовал ксилографию, изначально не предназначенную для своего троянского сборника, и *сомневался* в ее уместности (зачем иначе было скрывать часть изображения?)[1], издатель 1482 г. счел эту иллюстрацию вполне приличествующей моменту. То, что этот новый вариант иллюстрированной концовки основного повествования в «Книге Трои» показался удачным, подтверждает ксилография (рис. 1в) из второго (страсбургского) издания *третьей печатной редакции* (мастерская Мартина Шотта, 13.03.1489 г.): она была выполнена по образцу изображения, которое использовалось в 1482 г. у Антона Зорга[2], но в 1489 г. ее воспринимали уже как органичную часть иллюстративного ряда. Характерно, что иллюстрация из страсбургского издания Шотта дополнена четвертой фигурой: это находящийся за спиной нотариуса/«автора» посетитель (возможно, его помощник или коллега), который держит в правой руке свиток с печатью. Новый персонаж как будто бы «уплотняет» воображаемое нотариальное действо, тем самым символизируя его полную *приемлемость* для визуализации авторитета писателя. Можно сказать, что мы наблюдаем превращение сомнительной по началу аналогии в «стандартную модель» репрезентации достоверных свидетельств о прошлом.

Не меньший интерес представляют ксилографии, сопровождающие фрагмент текста, в котором говорится об отдельных расхождениях древних авторов. В аугсбургском издании *второй печатной редакции* (около 1479 г.) иллюстрацией к этому пассажу служит изображение[3], заимствованное из все того же «Spiegel des menschlichen Lebens», где

1 О том, что финал рассказа о Трое совсем не обязательно требовал подобной иллюстрации, свидетельствует аугсбургское издание того же Антона Зорга, датированное апрелем 1479 г. и представляющее собой реплику бемлеровского издания 1474 г. (т. е. поздний вариант первой печатной редакции, согласно классификации Альфена — Фохлер — Линерт). Здесь заключительный пассаж (нем. «Hÿe enndet sich das bůch vo[n] hÿstori wie die reÿchkostlich unnd măchtig stat Troya ward erstŏret usw») вообще не сопровождается каким-либо изображением [Buch von Troja, Fassung a, Augsburg, 1479.04.30. Bl. 133v] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026480/image_270). Аналогичным образом дело обстоит и с позднейшим (1488 г.) аугсбургским изданием второй печатной версии, которое было осуществлено Иоганном Шеншпергером (в библиотечном описании издание фигурирует как немецкий перевод «Истории» Гвидо деле Колонне, выполненный Гансом Маиром) [Guido <de Columnis>: Historia destructionis Troiae, deutsch / Die Hystori Troyana. Übers.: Hans Mair. Augsburg: Johann Schönsperger, 1488. Bl. 151r] (http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ic00778000/0305).

2 [Buch von Troja. Fassung, Strassburg, 1489.03.13. Bl. 124r] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00083136/image_247).

3 [Buch von Troja, Fassung b, [Augsburg], [ca. 1479]. Bl. 150r] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026482/image_303).

оно открывало главу об искусстве риторики[1] (рис. 2а). Типичная сценка университетского занятия, включавшая фигуры преподавателя и трех студентов, в новом «троянском» контексте должна была, по-видимому, символизировать связь процедуры ученого спора с искусством составления и комментирования письменных текстов. В аугсбургском издании *третьей печатной редакции* (Антон Зорг, 1482 г.) эта иллюстрация подменяется изображением[2] человека, который зачитывает некий текст королю и двум сопровождающим его персонам (рис. 2б). В данном случае перед нами ксилография, ранее использовавшаяся при оформлении самого троянского сборника. На страницах двух рассматриваемых изданий (ок. 1479 г. и 1482 г.) она, в частности, предваряет рассказ о Приаме, который узнает про гибель своего отца Лаомедонта и разорение греками Трои[3]. Очевидно, выбор этой иллюстрации для фрагмента о разногласиях авторов, был продиктован тем, что она изображала процесс публичного зачитывания какого-то официального документа. Зеркальная реплика данной ксилографии была использована и в страсбургском переиздании *третьей печатной редакции* (Мартин Шотт, 1489 г.)[4] (рис. 2в), составитель/иллюстратор которого, вероятно, руководствовался похожими мотивами. Наконец, во втором издании *второй печатной редакции* (Аугсбург, Иоганн Шеншпергер, 1488 г.) мы встречаем иллюстрацию, которая не затрагивает тему письменных текстов: на ней представлено выступление некоего коронованного мужа перед тремя сидящими рядом особами[5] (рис. 2г). Это еще одно заимствование из иконографического цикла, созданного для совершенно другой книги — трактата Джакомо да Терамо «Утешение грешников, или Процесс Велиала»[6]. Пер-

1 Rodericus <Sancius de Arevalo>; Steinhöwel, Heinrich [Übers] [Hrsg.] Speculum vitae humanae, deutsch (Spiegel des menschlichen Lebens). Augsburg, um 1476. Bl. 76r] (http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ir00231000/0179).

2 [Buch von Troja, Fassung c, Augsburg, 1482.06.12. Bl. 156r] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026479/image_317).

3 [Buch von Troja, Fassung b, [Augsburg], [ca. 1479]. Bl. 24v; Buch von Troja, Fassung c, Augsburg, 1482.06.12. Bl. 23r].

4 [Buch von Troja, Fassung c, Strassburg, 1489.03.13., Bl. 125r] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00083136/image_249).

5 [Guido <de Columnis>: Historia destructionis Troiae, deutsch / Die Hystori Troyana. Übers.: Hans Mair. Augsburg: Johann Schönsperger, 1488. Bl. 152r] (http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ic00778000/0307).

6 Нам доступен экземпляр того издания трактата, которое датируется июнем 1490 г. (т. е. более поздним временем, чем шеншпергеровское издание второй печатной редакции троянского сборника) [Jacobus <de Teramo>: Der Teutsch Belial, Augsburg, 1490.06.23, Bl. 59r] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00028929/image_121). Тем не менее факт заимствования данной иллюстрации из какого-то издания «Утешения грешников», близкого по времени к 1488 г., для нас непреложен. Косвенно этот факт подтверждается сопоставлением с более ранними аугсбургскими изданиями трактата Джа-

сонажами последнего выступали Октавиан и Иеремия (по сюжету — защитники со стороны дьявола), а также Аристотель и Исайя (адвокаты Христа). Именно они были изображены на гравюре, позднее выбранной в качестве иллюстрации к тексту о различиях между древними авторами. Связь с темой красноречия (в данном контексте судебного), таким образом, можно наблюдать и здесь.

Выявленные доминанты идеализации древних мастеров, назовем их «нотариальная точность описаний» и «искусное владение словом/слогом», в той или иной мере соотносятся с образностью, которая характерна для описаний Дарета и Диктиса в текстах «Бенуа де Сент-Мора и Ко». Вместе с тем модель правды от герольдов либо рыцарей-клириков выглядит гораздо объемнее и «нотариальной», и «риторической». Легитимируемые в ее рамках рассказы отличает не только точность фиксации и грамотное изложение, но и регулярное присутствие рассказчиков в гуще событий, двойственность их статуса (actores и auctores), а также специфическое целеполагание, вырастающее из стремления одновременно *представить* и *прославить* факты.

Это воображаемое возвышение предмета описаний прежде обретения им зримых контуров, как и возникновение фигуры «правильного» свидетеля до развертывания череды роковых случайностей, приводящих к гибели Трои, кажется нам весьма важной особенностью репрезентации истины о прошлом у тех средневековых писателей, которые брались пояснять публике происхождение рассказов Дарета и Диктиса. Награжденные способностью узреть будущее величие событий, находясь над схваткой, но участвуя в ней, герои-очевидцы на определенном этапе становятся и поручителями, и толкователями собранной правды, коль скоро та объявляется правдой на все времена.

* * *

Безоговорочное отнесение свидетельств Дарета и Диктиса к разряду «правдивых историй» до какой-то степени обесценивало предложенные позднеантичной традицией способы [игрового] убеждения читателей в аутентичности этих вымышленных рассказов. Контексты обнаружения и толкования каждой из легенд позднейшими «знатоками», по-видимому, утрачивали свой герменевтический шарм и в рамках средневековой традиции могли существенно

комо да Терамо [Jacobus <de Teramo>: Hie hebt sich an das buoch Belial genant von des gerichts ordnung, Augsburg, 1473.02.14. Bl. 69r.] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00029085/image_14); [Jacobus <de Teramo>: Hie hebt sich an ein guot nüczlich buoch von der rechtlichen überwindung Christi wider Sathan den fürsten der hell vnd des sünders betroestung, Augsburg, 1481.06.01. Bl. 61r] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00028927/image_129).

упрощаться или (как в случае с «Дневником» Диктиса) вовсе игнорироваться. Но воображаемая процедура фиксации событий их «истинными свидетелями» под пером ряда средневековых авторов дополнялась порой самыми необычными деталями. «Правдивость» двух повествований, изначально не связанных между собой и крайне противоречивых по содержанию, могла оборачиваться утверждениями об их согласованности или даже сознательной унификации силами самих рассказчиков. Последние при этом наделялись всей полнотой в*и*дения и понимания происходящего, осознанием его исключительного величия и неповторимости. В этой связи и воспроизводство правдивого знания о прошлом, скорее всего, трактовалось как нечто закономерное и неподвластное случаю.

Ощущение вневременности истины делало привлекательными образы ее «универсально» подготовленных провидцев и хранителей, уводя на второй план вопросы несовпадения между их рассказами или же акцентируя слияние в одном тексте «греческой» и «троянской» версий истории. Трагическая изменчивость и нестабильность описываемого древнего сообщества, вероятно, нуждались в самом устойчивом и непротиворечивом нарративном обрамлении. Вместе с тем абсолютная внеположность Дарета и Диктиса вызовам «военного времени» словно бы лишала картину величайших деяний убедительности, вступая также в явное противоречие со сведениями двух авторитетных для средневековой публики источников. Представляя древних авторов участниками, дисциплинированными регистраторами и одновременно провозвестниками событий, средневековые писатели утверждали в правах занятный симбиоз живого опыта и формализованного свидетельства о нем. Такое понимание материала нельзя считать общепринятым, однако оно было характерно для нескольких наиболее известных средневековых текстов о Трое.

Библиография

Гене Б. (2002) *История и историческая культура средневекового Запада*. Е.В. Баевская, Э.М. Береговская (пер.), И.И. Соколова (ред.). М.: Языки славянской культуры.

Дарет Фригийский (1997) *История о разрушении Трои*. А.В. Захарова (пер., ред.). СПб.: Алетейя.

Диктис Критский (2002–2003) *Дневник Троянской войны*. В.Н. Ярхо (пер., ред.) *Вестник древней истории*, (2002 1): 239–251; (2002 2): 236–250; (2002 3): 244–252; (2002 4): 239–248; (2003 4): 247–262.

Иосиф Эксетерский (2013) *Илиада*. Р. Шмараков (пер., ред.). М.: Водолей.

Исидор Севильский (2006) *Этимологии, или Начала. В XX книгах. — Кн. I–III: Семь свободных искусств*. Л.А. Харитонов (пер., ред.). СПб.: Евразия.

Кин М (2000) *Рыцарство*. И.А. Тогоева (пер.). М.: Научный мир.

Маслов А.Н (2013) Несчастная «новая Троя»? К интерпретации латинской поэмы о примирении короля Ричарда II с лондонцами. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 4 (3): 88–99.

Михайлов А.Д (1976) *Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе*, М.: Наука.

Михайлов А.Д. (2002) Перевод и подражание в Средние века (от «Энеиды» Вергилия к «Роману о Трое»). Л.В. Евдокимова, А.Д. Михайлов (ред.). *Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения*, М.: ИМЛИ РАН: 59–75.

Панофский Э. (2006) *Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада*. А.Г. Габричевский (пер.), СПб: Азбука-классика.

Ainsworth P (2003) Legendary History: Historia and Fabula. D. Mauskopf Deliyannis (ed.) *Historiography in the Middle Ages*, Leiden; -Boston: Brill: 387–416.

Alfen K, Fochler P., Lienert E. (1990) Deutsche Trojatexte des 12. bis 16. Jahrhunderts. Repertorium. H. Brunner (ed.) *Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*, Wiesbaden: Reichert: 104–111.

Amato E., Gaucher-Rémond E., Scafoglio G. (eds) (2014) La légende de Troie de l'Antiquité Tardive au Moyen Âge. Variations, innovations, modifications et réécritures. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/-La-legende-de-Troie-de-l-Antiquite).

Baumgartner E., Harf-Lancner L. (eds) (1995) *Entre fiction et histoire: Troie et Rome au Moyen Âge*, Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle.

Beaune C (1985). L'utilisation politique du mythe des origines troyennes en France à la fin du Moyen Âge. J.-Y. Tilliette (ed.) *Lectures médiévales de Virgile. Actes du colloque de Rome (25–28 octobre 1982)*, Rome: École Française de Rome: 331–355.

Beck G. (2015) *Trojasummen: das "Elsässische Trojabuch" und die gedruckten Trojakompilationen*, Wiesbaden: Reichert.

Benoît de Sainte-Maure (1904–1912). *Le Roman de Troie*. 6 vols. L. Constans (ed.). Paris: F. Didot.

Benson C.D. (1980) *The History of Troy in Middle English Literature*, Woodbridge: Brewer.

Beschorner A. (1992) *Untersuchungen zu Dares Phrygius*, Tübingen: G. Narr.

Bezzola R. (1963) *Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident (500–1200). Troisième partie: La société courtoise: littérature de cour et littérature courtoise. Tome 1: La cour d'Angleterre comme centre littéraire sous les Rois Angevins (1154–1199)*, Paris: Champion.

Bretzigheimer G (2008). Dares Phrygius: Historia ficta. Die Präliminarien zum Trojanischen Krieg. *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*, 151 (3–4): 365–399.

Bretzigheimer G. (2009) Dares Phrygius: Transformationen des Trojanischen Kriegs. *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*, 152 (1): 63–95.

Bruckner M.T. (2015) Remembering the Trojan War: Violence Past, Present, and Future in Benoît de Sainte-Maure's Roman de Troie. *Speculum*, 90 (2): 366–390.

Brunner H. (ed.) (1990) *Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*, Wiesbaden: Reichert.

Buch von Troja, Fassung a, Augsburg, 1479.04.30. [BSB-Ink B-962 - GW 7234] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026480/image_1)

Buch von Troja, Fassung b, [Augsburg], [ca. 1479] [BSB-Ink B-963 - GW 7235] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026482/image_1)

Buch von Troja, Fassung c, Augsburg, 1482.06.12. [BSB-Ink B-964 - GW 7237] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026479/image_1)

Buch von Troja. Fassung c, Strassburg, 1489.03.13. [BSB-Ink B-965 - GW 7238] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00083136/image_1)

Buchtal H. (1971) *Historia Troiana. Studies in the History of Medieval Secular Illustration*, London; Leiden: Warburg Institute University of London, Brill.

Burke P. (1969) *The Renaissance Sense of the Past*, London: E. Arnold.

Burke P. (2001) The Sense of Anachronism from Petrarch to Poussin. Ch. Humphrey, W.M. Ormrod (eds) *Time in the Medieval World*, Woodbridge; N.Y.: York Medieval Press — Boydell and Brewer.

Caxton W, Sommer H.O. (eds) (1894) *The Recuyell of the Historyes of Troye translated and printed by William Caxton. 2 vols*, London: D. Nutt.

Clark F (2010). Reading the «First Pagan Historiographer": Dares Phrygius and Medieval Genealogy. *Viator*, 41 (2): 203–226.

Clark F. (2011) *Authenticity*, Antiquity, and Authority: Dares Phrygius in Early Modern Europe. *Journal of the History of Ideas*, 72 (2): 183–207.

Cormier R.J. (1974) The Problem of Anachronism: Recent Scholarship on the French Medieval Romances of Antiquity. *Philological Quarterly*, 53: 145–157.

Damian-Grint P. (1999) *The New Historians of the Twelfth-Century Renaissance: Inventing Vernacular Authority*, Woodbridge: Boydell and Brewer.

Dares Phrygius [pseudo-] (1873) *Daretis Phrygii De excidio Troiae historia*. F. Meister (ed.). Leipzig: Teubner.

Das Elsässische Trojabuch (1995) *Das Elsässische Trojabuch («Buch von Troja I"). Kritische Ausgabe*. Ch. Witzel (ed.). Wiesbaden: Reichert.

Desmond M. (2011) History and Fiction: The Narrativity and Historiography of the Matter of Troy. W. Burgwinkle, N. Hammond, E. Wilson (eds). *The Cambridge History of French Literature*, Cambridge: Cambridge University Press: 139–144.

Dictys Cretensis [pseudo-] (1973). *Ephemeridos belli Troiani*. W. Eisenhut (ed.). Leipzig: Teubner.

Duval F. (2008a) Comment interpreter les anachronismes? Le cas de l'histoire romaine écrite en français au début du XIIIe siècle. *Anabases*, 8: 27–42.

Duval F. (2008b) *Réécritures de l'Antiquité Troyenne à la fin du Moyen Âge: étude et édition partielle du manuscrit Paris, Arsenal, 3326 composé pour Jean V de Créquy. 4 vols* (Thèse présentée et soutenue publiquement pour obtenir le grade de Docteur de l'Université des Lettres de Reims), Universite de Reims Champagne-Ardenne.

Eley P. (1991) The Myth of Trojan Descent and Perceptions of National Identity: The Case of Eneas and the Roman de Troie. *Nottingham Medieval Studies*, 35: 27–40.

Erskine A. (2001) *Troy between Greece and Rome: Local Tradition and Imperial Power*, Oxford; N.Y.: Oxford University Press.

Faivre d'Arcier L. (2006) *Histoire et géographie d'un mythe: La circulation des manuscripts du De excidio Troiae de Darès le Phrygien (VIIIe–XVe siècles)*, Paris: École des Chartes.

Federico S. (2003) *New Troy: Fantasies of Empire in the Late Middle Ages*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Fernández de Heredia, Juan (2012). *Crónica troyana*. M. Sanz Julían (ed.), Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza.

Fochler P. (1990) *Fiktion als Historie. Der Trojanische Krieg in der deutschen Literatur des 16. Jahrhunderts*, Wiesbaden: Reichert.

Frappier J. (1964) Remarques sur la peinture de la vie et des héros antiques dans la littérature française du XIIe et du XIIIe siècle. A. Fourrier (ed.) *L'humanisme médiéval dans les littératures romanes du XIIe au XIVe siècle. Colloque organisé par le Centre de Philologie et de Littérature romanes de l'Université de Strasbourg, 1962*, Paris: Klincksieck: 13–52.

Gainsford P. (2012) Diktys of Crete. *The Cambridge Classical Journal*, 58: 58–87.

Görich K. (2006) Troia im Mittelalter — der Mythos als politische Legitimation. M. Zimmermann (ed.). *Der Traum von Troia. Geschichte und Mythos einer ewigen Stadt*, München: Beck: 120–134.

Grafton A. (1990) *Forgers and Critics: Creativity and Duplicity in Western Scholarship*, Princeton: Princeton University Press.

Green D.H. (2002) *The Beginnings of Medieval Romance: Fact and Fiction, 1150–1200,* Cambridge: Cambridge University Press: 134–201.

Greene T.M. (1982) *The Light in Troy: Imitation and Discovery in Renaissance Poetry*, New Haven; London: Yale University Press.

Guido <de Columnis> Die Hystori Troyana. Übers.: Hans Mair. Augsburg: Johann Schönsperger, 1488. (http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ic00778000/0001/)

Guido de Columnis (1936). *Historia destructionis Troiae*. N.E. Griffin (ed.), Cambridge (Mass.): Mediaeval Academy of America.

Harf-Lancner L., Mathey-Maille L., Szkilnik M. (eds.) (2006) *Conter de Troie et d'Alexandre*, Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle.

Horsfall N. (2008–2009) Dictys's Ephemeris and the Parody of Scholarship. *Illinois Classical Studies*, 33–34: 41–63.

Ingledew F. (1994) The Book of Troy and the Genealogical Construction of History: The Case of Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Brittanniae. *Speculum*, 69 (2): 665–704.

Innes M. (2004) Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic Past. Y. Hen and M. Innes (eds) *The Uses of the Past in the Early Middle Ages*, Cambridge: Cambridge University Press: 227–249.

Jacobus <de Teramo>: *Hie hebt sich an das buoch Belial genant von des gerichts ordnung,* Augsburg, 1473.02.14. [BSB-Ink I-56 — GW M11063] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00029085/image_1).

Jacobus <de Teramo>: *Der Teutsch Belial,* Augsburg, 1490.06.23 [BSB-Ink I-62 — GW M11072] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00028929/image_1).

Jacobus <de Teramo>: *Hie hebt sich an ein guot nüczlich buoch von der rechtlichen überwindung Christi wider Sathan den fürsten der hell vnd des sünders betroestung,* Augsburg, 1481.06.01. [BSB-Ink I-60 — GW M11080] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00028927/image_1).

Joseph Iscanus (1970). Frigii Daretis Yliados libri sex. L. Gompf (ed.) *Joseph Iscanus. Werke und Briefe*, Leiden–Köln: Brill: 77–211.

Jung M.-R. (1996) *La légende de Troie en France au moyen âge. Analyse des versions françaises et bibliographie raisonnée des manuscrits*, Basel; Tübingen: Francke.

Kallendorf C. (2007) *The Other Virgil: «Pessimistic" Readings of the Aeneid in Early Modern Culture*, Oxford; N.Y.: Oxford University Press.

Keller W.R. (2008) *Selves and Nations. The Troy Story from Sicily to England in the Middle Age*, Heidelberg: Universitätsverlag Winter.

Kelly D. (1992) *Art of Medieval French Romance*, Madison: University of Wisconsin Press.

Kim L. (2010) *Homer Between History and Fiction in Imperial Greek Literature*, Cambridge: Cambridge University Press.

Lentano M. (2014) Come si (ri)scrive la storia. Darete Frigio e il mito Troiano. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/atlantide-2-lentano.pdf)

Lester G.A. (1990) The Literary Activity of the Medieval English Heralds. *English Studies*, 71 (3): 222–229.

Liu S. (2011) *A Regnal Genealogy in Trouble: The Trojan Myth as a Traumatic National Historiography in Medieval England. PhD Diss.*, Indiana University.

MacMaster Th.J. (2014) The Origin of the Origins: Trojans, Turks and the Birth of the Myth of Trojan Origins in the Medieval World. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/macmaster.pdf).

Malatrait S.K. (2011) *«Si fier tornei": Benoîts «Roman de Troie" und die höfische Kultur des 12. Jahrhunderts*, Hamburg: Hamburg University press.

Mantovani D. (2013) Cum Troie fu perie. Il Roman de Troie e le sue mises en prose. A. D'Agostino (ed.) *Il Medioevo degli antichi. I romanzi francesi della «Triade classica"*, Sesto San Giovanni: Mimesis: 169–198.

Merkle S. (1989) *Die Ephemeris belli Troiani des Diktys von Kreta*, Frankfurt am Main: P. Lang.

Merkle S. (1990) Troiani belli verior textus. Die Trojaberichte des Dictys und Dares. H. Brunner (ed.) *Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*, Wiesbaden: Reichert: 491–533.

Merkle S. (1996) The Truth and Nothing but the Truth: Dictys and Dares. G. Schmeling (ed.) *The Novel in the Ancient World*, Leiden; N.Y.; Köln: Brill: 563–580.

Merkle S. (1999) News from the Past: Dictys and Dares on the Trojan War. H. Hofmann (ed.) *The Latin Fiction: The Latin Novel in Context*, London; N.Y.: Routledge: 131–140.

Mheallaigh K.N. (2008) Pseudo-Documentarism and the Limits of Ancient Fiction. *American Journal of Philology*, 129 (3): 403–431.

Mora-Lebrun F. (1994) *L'Enéide médiévale et la naissance du roman*, Paris: Presses universitaires de France.

Mora F. (2001) Réceptions de l'Enéide au Moyen Age. *Cahiers de l'Association internationale des études francaises*, 53 (1): 173–189.

Mora F. (2008) *«Metre en romanz": Les romans d'antiquité du XIIe siècle et leur postérité (XIIIe–XIVe siècle)*, Paris: Champion.

Movellán Luis M. (2014) Estrategias de autorización en Dictis y Dares. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/movellan.pdf).

Nagel A., Wood Ch.S. (2005) Toward a New Model of Renaissance Anachronism. *The Art Bulletin*, 87 (3): 403–415.

Nagel A., Wood Ch.S. (2010) *Anachronic Renaissance*, N.Y.: Zone Books.

Paris G. (1889) *La Littérature française au moyen âge (XIe–XIVe siècles)*, Paris: Hachette.

Paschoud F. (1995) Mendacii splendor: formes d'entrée en matière et protestations de véridicité dans la littérature de fiction. *Latomus*, 54 (2): 262–278.

Patterson L. (1991) *Chaucer and the Subject of History*, Madison: University of Wisconsin Press.

Pavano A. (1996) La quaestio daretiana: problemi ecdotici, esegetici, metodologici. *Cassiodorus*, 2: 305–321.

Petit A. (1985) *Naissances du roman: les techniques littéraires dans les romans antiques du XIIe siècle*, Lille: Atelier National Reproduction des Theses Université de Lille III; Paris; Genève: Champion-Slatkine.

Petit A. (2002) *L'anachronisme dans les romans antiques du XIIe siècle : le Roman de Thèbes, le Roman d'Enéas, le Roman de Troie, le Roman d'Alexandre*, Paris: Champion.

Poucet J. (2003) Le mythe de l'origine troyenne au Moyen âge et à la Renaissance: un exemple d'idéologie politique. *Folia Electronica Classica*, 5 (Janvier–Juin 2003) (http://bcs.fltr.ucl.ac.be/ fe/05/anthenor2.html).

Prosperi V. (2014) The Trojan Chronicles of Dictys and Dares in the Early Italian Humanism: A Reassessment. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/atlantide-2-prosperi.pdf).

Raynaud de Lage G. (1976) *Les premiers romans français et autres études littéraires et linguistiques*, Genève: Droz.

Rigall J.C. (1999) *La Materia de Troya en las letras romances del siglo XIII hispano*, Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela.

Rodericus <Sancius de Arevalo>; Steinhöwel, Heinrich [Übers] [Hrsg.] *Speculum vitae humanae, deutsch (Spiegel des menschlichen Lebens).* Augsburg, um 1476 [GW M38511] (http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ir00231000/0001).

Rollo D. (1995) Benoît de Sainte-Maure's Roman de Troie: Historiography, Forgery, and Fiction. *Comparative Literature Studies*, 32 (2): 191–225.

Rollo D. (2000) *Glamorous Sorcery: Magic and Literacy in the High Middle Ages*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Sanz M. (2009) De Johann Bämler a Martin Schott: el viaje de un texto a través de los primeros impresores alemanes. *Revista de Filología Alemana*, 17: 207–223.

Sanz Julián M. (2010) De la materia troyana a la caballeresca a través de los grabados: el uso de las imágenes en tres Historias Troyanas alemanas. *Humanista. Journal of Iberian Studies*, 16: 160–183 (http://www.ehumanista.ucsb.edu/sites/secure.lsit.ucsb.edu.span.d7_eh/files/sitefiles/ehumanista/volume16/9%20ehumanista%2016.sanz_julian.pdf).

Schetter W. (1987) Dares und Dracontius über die Vorgeschichte des Trojanischen Krieges. *Hermes*, 115 (2): 211–231.

Schetter W. (1988) Beobachtungen zum Dares Latinus. *Hermes*, 116 (1): 94–109.

Seret-Dereau C.-B. (2001) Le personnage d'Énée dans la littérature française. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*, 2: 195–238.

Shepard A., Powell S.D. (eds.) (2004) *Fantasies of Troy: Classical Tales and the Social Imaginary in Medieval and Early Modern Europe*, Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies.

Simpson J. (1998) The Other Book of Troy: Guido delle Colonne's Historia destuctionis Troiae in Fourteenth and Fifteenth-Century England. *Speculum*, 73 (2): 397–423.

Solomon J. (2007) The Vacillations of the Trojan Myth: Popularization and Classicization, Variation and Codification. *International Journal of the Classical Tradition*, 14 (3–4): 482–534.

Spence S. (2010) Felix Casus: The Dares and Dictys Legends of Aeneas. J. Farrell, M.C.J. Putnam (eds.) *A Companion to Vergil's Aeneid and Its Tradition*, Chichester: Blackwell Publishing: 133–146.

Spiegel G. (1993) Romancing the Past: The Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth-century France, Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.

The Laud Troy Book (1902–1903) *The Laud Troy Book*. 2 vols. J.E. Wülfing (ed.). London: Kegan Paul, Trench, Trübner.

The Seege of Troye (1899) *The Seege of Troye*. C.H.A. Wager (ed.). London: Macmillan.

Troianalexandrina (2001–2015) *Troianalexandrina: Anuario sobre Literatura Medieval de Materia Clasica. Journal on medieval literature containing classical material*, Turnhout: Brepols Publishers.

Usener K. (1994) Dictys und Dares über den Troischen Krieg: Homer in der Rezeptionskrise? *Eranos*, 92: 102–120.

Warren G.L. (1988) *Translation as Re-creation in the Roman de Troie. PhD Diss.*, University of Wisconsin–Madison.

Waswo R. (1995) Our Ancestors, the Trojans: Inventing Cultural Identity in the Middle Ages. *Exemplaria*, 7 (2): 269-290.

Witalisz W. (2011) *The Trojan Mirror: Middle English Narratives of Troy as Books of Princely Advice*, Frankfurt am Main; N.Y.: Peter Lang.

Wolf K. (2008) *Troja — Metamorphosen eines Mythos. Französische, englische und italienische Überlieferungen des 12. Jahrhunderts im Vergleich*, Berlin: Akademie Verlag.

References

Ainsworth P (2003) Legendary History: Historia and Fabula. D. Mauskopf Deliyannis (ed.) *Historiography in the Middle Ages*, Leiden; Boston: Brill: 387–416.

Alfen K, Fochler P., Lienert E. (1990) Deutsche Trojatexte des 12. bis 16. Jahrhunderts. Repertorium. H. Brunner (ed.) *Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*, Wiesbaden: Reichert: 104–111.

Amato E., Gaucher-Rémond E., Scafoglio G. (eds) (2014) La légende de Troie de l'Antiquité Tardive au Moyen Âge. Variations, innovations, modifications et réécritures. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/-La-legende-de-Troie-de-l-Antiquite-).

Baumgartner E., Harf-Lancner L. (eds) (1995) *Entre fiction et histoire: Troie et Rome au Moyen Âge*, Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle.

Beaune C (1985). L'utilisation politique du mythe des origines troyennes en France à la fin du Moyen Âge. J.-Y. Tilliette (ed.) *Lectures médiévales de Virgile. Actes du colloque de Rome (25–28 octobre 1982)*, Rome: École Française de Rome: 331–355.

Beck G. (2015) *Trojasummen: das «Elsässische Trojabuch" und die gedruckten Trojakompilationen*, Wiesbaden: Reichert.

Benoît de Sainte-Maure (1904–1912). *Le Roman de Troie*. 6 vols. L. Constans (ed.). Paris: F. Didot.

Benson C.D. (1980) *The History of Troy in Middle English Literature*, Woodbridge: Brewer.

Beschorner A. (1992) *Untersuchungen zu Dares Phrygius*, Tübingen: G. Narr.

Bezzola R. (1963) *Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident (500–1200). Troisième partie: La sociéte courtoise: littérature de cour et littérature courtoise. Tome 1: La cour d'Angleterre comme centre littéraire sous les Rois Angevins (1154–1199)*, Paris: Champion.

Bretzigheimer G (2008). Dares Phrygius: Historia ficta. Die Präliminarien zum Trojanischen Krieg. *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*, 151 (3–4): 365–399.

Bretzigheimer G. (2009) Dares Phrygius: Transformationen des Trojanischen Kriegs. *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*, 152 (1): 63–95.

Bruckner M.T. (2015) Remembering the Trojan War: Violence Past, Present, and Future in Benoît de Sainte-Maure's Roman de Troie. *Speculum*, 90 (2): 366–390.

Brunner H. (ed.) (1990) *Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*, Wiesbaden: Reichert.

Buch von Troja, Fassung a, Augsburg, 1479.04.30. [BSB-Ink B-962 – GW 7234] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026480/image_1).

Buch von Troja, Fassung b, [Augsburg], [ca. 1479] [BSB–Ink B–963 – GW 7235] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026482/image_1).

Buch von Troja, Fassung c, Augsburg, 1482.06.12. [BSB–Ink B-964 – GW 7237] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00026479/image_1).

Buch von Troja. Fassung c, Strassburg, 1489.03.13. [BSB-Ink B–965 – GW 7238] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00083136/image_1).

Buchtal H. (1971) *Historia Troiana. Studies in the History of Medieval Secular Illustration*, London; Leiden: Warburg Institute University of London, Brill.

Burke P. (1969) *The Renaissance Sense of the Past*, London: E. Arnold.

Burke P. (2001) The Sense of Anachronism from Petrarch to Poussin. Ch. Humphrey, W.M. Ormrod (eds) *Time in the Medieval World*, Woodbridge; N.Y.: York Medieval Press — Boydell and Brewer.

Caxton W, Sommer H.O. (ed.) (1894) *The Recuyell of the Historyes of Troye translated and printed by William Caxton. 2 vols*, London: D. Nutt.

Clark F (2010). Reading the «First Pagan Historiographer": Dares Phrygius and Medieval Genealogy. *Viator*, 41 (2): 203–226.

Clark F. (2011) *Authenticity*, Antiquity, and Authority: Dares Phrygius in Early Modern Europe. *Journal of the History of Ideas*, 72 (2): 183–207.

Cormier R.J. (1974) The Problem of Anachronism: Recent Scholarship on the French Medieval Romances of Antiquity. *Philological Quarterly*, 53: 145–157.

Damian-Grint P. (1999) *The New Historians of the Twelfth-Century Renaissance: Inventing Vernacular Authority*, Woodbridge: Boydell and Brewer.

Dares Phrygius [pseudo-] (1873) *Daretis Phrygii De excidio Troiae historia*. F. Meister (ed.). Leipzig: Teubner.

Dares Phrygius [pseudo-] (1997) *Istoriia o razrushenii Troi.* A.V. Zakharova (transl., ed.). SPb.: Aleteiia.

Das Elsässische Trojabuch (1995) *Das Elsässische Trojabuch («Buch von Troja I"). Kritische Ausgabe.* Ch. Witzel (ed.). Wiesbaden: Reichert.

Desmond M. (2011) History and Fiction: The Narrativity and Historiography of the Matter of Troy. W. Burgwinkle, N. Hammond, E. Wilson (eds). *The Cambridge History of French Literature*, Cambridge: Cambridge University Press: 139–144.

Dictys Cretensis [pseudo-] (2002–2003) *Dnevnik Troianskoi voiny.* V.N. Iarkho (transl., ed.) // *Vestnik drevnei istorii*, (2002 1): 239–251; (2002 2): 236–250; (2002 3): 244–252; (2002 4): 239–248; (2003 4): 247–262.

Dictys Cretensis [pseudo-] (1973). *Ephemeridos belli Troiani*. W. Eisenhut (ed.). Leipzig: Teubner.

Duval F. (2008a) Comment interpreter les anachronismes? Le cas de l'histoire romaine écrite en français au début du XIIIe siècle. *Anabases*, 8: 27–42.

Duval F. (2008b) *Réécritures de l'Antiquité Troyenne à la fin du Moyen Âge: étude et édition partielle du manuscrit Paris, Arsenal, 3326 composé pour Jean V de Créquy. 4 vols* (Thèse présentée et soutenue publiquement pour obtenir le grade de Docteur de l'Université des Lettres de Reims), Universite de Reims Champagne-Ardenne.

Eley P. (1991) The Myth of Trojan Descent and Perceptions of National Identity: The Case of Eneas and the Roman de Troie. *Nottingham Medieval Studies*, 35: 27–40.

Erskine A. (2001) *Troy between Greece and Rome: Local Tradition and Imperial Power*, Oxford; N.Y.: Oxford University Press.

Faivre d'Arcier L. (2006) *Histoire et géographie d'un mythe: La circulation des manuscripts du De excidio Troiae de Darès le Phrygien (VIIIe–XVe siècles)*, Paris: École des Chartes.

Federico S. (2003) *New Troy: Fantasies of Empire in the Late Middle Ages*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Fernández de Heredia, Juan (2012). *Crónica troyana*. M. Sanz Julían (ed.). Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza.

Fochler P. (1990) *Fiktion als Historie. Der Trojanische Krieg in der deutschen Literatur des 16. Jahrhunderts*, Wiesbaden: Reichert.

Frappier J. (1964) Remarques sur la peinture de la vie et des héros antiques dans la littérature française du XIIe et du XIIIe siècle. A. Fourrier (ed.) *L'humanisme médiéval dans les littératures romanes du XIIe au XIVe siècle. Colloque organisé par le Centre de Philologie et de Littérature romanes de l'Université de Strasbourg, 1962*. Paris: Klincksieck: 13–52.

Gainsford P. (2012) Diktys of Crete. *The Cambridge Classical Journal*, 58: 58–87.

Görich K. (2006) Troia im Mittelalter — der Mythos als politische Legitimation. M. Zimmermann (ed.). *Der Traum von Troia. Geschichte und Mythos einer ewigen Stadt*, München: Beck: 120–134.

Grafton A. (1990) Forgers and Critics: Creativity and Duplicity in Western Scholarship, Princeton: Princeton University Press.

Green D.H. (2002) The Beginnings of Medieval Romance: Fact and Fiction, 1150–1200, Cambridge: Cambridge University Press: 134–201.

Greene T.M. (1982) *The Light in Troy: Imitation and Discovery in Renaissance Poetry*, New Haven; London: Yale University Press.

Guenée B. (2002) *Istoriia i istoricheskaia kul'tura srednevekovogo Zapada*. E.V. Baevskaia, E.M. Beregovskaia (transl.), I.I. Sokolova (ed.). M.: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Guido <de Columnis> Die Hystori Troyana. Übers.: Hans Mair. Augsburg: Johann Schönsperger, 1488 (http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ic00778000/0001/).

Guido de Columnis (1936). *Historia destructionis Troiae*. N.E. Griffin (ed.), Cambridge (Mass.): Mediaeval Academy of America.

Harf-Lancner L., Mathey-Maille L., Szkilnik M. (eds.) (2006) *Conter de Troie et d'Alexandre*, Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle.

Horsfall N. (2008–2009) Dictys's Ephemeris and the Parody of Scholarship. *Illinois Classical Studies*, 33–34: 41–63.

Ingledew F. (1994) The Book of Troy and the Genealogical Construction of History: The Case of Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Brittanniae. *Speculum*, 69 (2): 665–704.

Innes M. (2004) Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic Past. Y. Hen, M. Innes (eds) *The Uses of the Past in the Early Middle Ages*, Cambridge: Cambridge University Press: 227–249.

Iosephus Exoniensis (2013) *Iliada*. R. Shmarakov (transl., ed.). M.: Vodolei.

Isidorus Hispalensis (2006) *Etimologii, ili Nachala. V XX knigakh. — Kn. I–III: Sem' svobodnykh iskusstv*. L.A. Kharitonov (transl., ed.). SPb.: Evraziia.

Jacobus <de Teramo>: Hie hebt sich an das buoch Belial genant von des gerichts ordnung, Augsburg, 1473.02.14. [BSB-Ink I-56 — GW M11063] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00029085/image_1).

Jacobus <de Teramo>: Der Teutsch Belial, Augsburg, 1490.06.23 [BSB-Ink I-62 — GW M11072] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00028929/image_1).

Jacobus <de Teramo>: Hie hebt sich an ein guot nüczlich buoch von der rechtlichen überwindung Christi wider Sathan den fürsten der hell vnd des sünders betroestung, Augsburg, 1481.06.01. [BSB-Ink I-60 — GW M11080] (http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00028927/image_1).

Joseph Iscanus (1970). Frigii Daretis Yliados libri sex. L. Gompf (ed.) *Joseph Iscanus. Werke und Briefe*, Leiden; Köln: Brill: 77–211.

Jung M.-R. (1996) *La légende de Troie en France au moyen âge. Analyse des versions françaises et bibliographie raisonnée des manuscrits*, Basel; Tübingen: Francke.

Kallendorf C. (2007) *The Other Virgil: «Pessimistic" Readings of the Aeneid in Early Modern Culture*, Oxford; N.Y.: Oxford University Press.

Keller W.R. (2008) *Selves and Nations. The Troy Story from Sicily to England in the Middle Age*, Heidelberg: Universitätsverlag Winter.

Keen M. (2000) *Rytsarstvo.* I.A. Togoeva (transl.). M.: Nauchnyi mir.

Kelly D. (1992) *Art of Medieval French Romance*, Madison: University of Wisconsin Press.

Kim L. (2010) *Homer Between History and Fiction in Imperial Greek Literature*, Cambridge: Cambridge University Press.

Lentano M. (2014) Come si (ri)scrive la storia. Darete Frigio e il mito Troiano. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/atlantide-2-lentano.pdf).

Lester G.A. (1990) The Literary Activity of the Medieval English Heralds. *English Studies*, 71 (3): 222–229.

Liu S. (2011) *A Regnal Genealogy in Trouble: The Trojan Myth as a Traumatic National Historiography in Medieval England. PhD Diss.*, Indiana University.

MacMaster Th.J. (2014) The Origin of the Origins: Trojans, Turks and the Birth of the Myth of Trojan Origins in the Medieval World. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/macmaster.pdf).

Malatrait S.K. (2011) *«Si fier tornei": Benoîts «Roman de Troie" und die höfische Kultur des 12. Jahrhunderts*, Hamburg: Hamburg University press.

Mantovani D. (2013) Cum Troie fu perie. Il Roman de Troie e le sue mises en prose. A. D'Agostino (ed.) *Il Medioevo degli antichi. I romanzi francesi della «Triade classica"*, Sesto San Giovanni: Mimesis: 169–198.

Maslov A.N (2013) Neschastnaia «novaia Troia"? K interpretatsii latinskoi poemy o primirenii korolia Richarda II s londontsami. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 4 (3): 88–99.

Merkle S. (1989) *Die Ephemeris belli Troiani des Diktys von Kreta*, Frankfurt am Main: P. Lang.

Merkle S. (1990) Troiani belli verior textus. Die Trojaberichte des Dictys und Dares. H.Brunner (ed.) *Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*, Wiesbaden: Reichert: 491–533.

Merkle S. (1996) The Truth and Nothing but the Truth: Dictys and Dares. G. Schmeling (ed.) *The Novel in the Ancient World*, Leiden; N.Y.; Köln: Brill: 563–580.

Merkle S. (1999) News from the Past: Dictys and Dares on the Trojan War. H. Hofmann (ed.) *The Latin Fiction: The Latin Novel in Context*, London; N.Y.: Routledge: 131–140.

Mheallaigh K.N. (2008) Pseudo-Documentarism and the Limits of Ancient Fiction. *American Journal of Philology*, 129 (3): 403–431.

Mikhailov A.D (1976) *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature*, M.: Nauka.

Mikhailov A.D. (2002) Perevod i podrazhanie v Srednie veka (ot «Eneidy" Vergiliia k «Romanu o Troe"). L.V. Evdokimova, A.D. Mikhailov (ed.) *Perevod i podrazhanie v literaturakh Srednikh vekov i Vozrozhdeniia*, M.: IMLI RAN: 59–75.

Mora-Lebrun F. (1994) *L'Enéide médiévale et la naissance du roman*, Paris: Presses universitaires de France.

Mora F. (2001) Réceptions de l'Enéide au Moyen Age. *Cahiers de l'Association internationale des études francaises*, 53 (1): 173–189.

Mora F. (2008) *«Metre en romanz": Les romans d'antiquité du XIIe siècle et leur postérité (XIIIe–XIVe siècle)*, Paris: Champion.

Movellán Luis M. (2014) Estrategias de autorización en Dictis y Dares. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/movellan.pdf).

Nagel A., Wood Ch.S. (2005) Toward a New Model of Renaissance Anachronism. *The Art Bulletin*, 87 (3): 403–415.

Nagel A., Wood Ch.S. (2010) *Anachronic Renaissance*, N.Y.: Zone Books.

Panofsky E. (2006) *Renessans i «renessansy" v iskusstve Zapada*. A.G. Gabrichevskii (transl.), SPb: Azbuka-klassika.

Paris G. (1889) *La Littérature française au moyen âge (XIe–XIVe siècles)*, Paris: Hachette.

Paschoud F. (1995) Mendacii splendor: formes d'entrée en matière et protestations de véridicité dans la littérature de fiction. *Latomus*, 54 (2): 262–278.

Patterson L. (1991) *Chaucer and the Subject of History*, Madison: University of Wisconsin Press.

Pavano A. (1996) La quaestio daretiana: problemi ecdotici, esegetici, metodologici. *Cassiodorus*, 2: 305–321.

Petit A. (1985) *Naissances du roman: les techniques littéraires dans les romans antiques du XIIe siècle*, Lille: Atelier National Reproduction des Theses Université de Lille III; Paris; Genève: Champion-Slatkine.

Petit A. (2002) *L'anachronisme dans les romans antiques du XIIe siècle : le Roman de Thèbes, le Roman d'Enéas, le Roman de Troie, le Roman d'Alexandre*, Paris: Champion.

Poucet J. (2003) Le mythe de l'origine troyenne au Moyen âge et à la Renaissance: un exemple d'idéologie politique. *Folia Electronica Classica*, 5 (Janvier-Juin 2003) (http://bcs.fltr.ucl.ac.be/ fe/05/anthenor2.html).

Prosperi V. (2014) The Trojan Chronicles of Dictys and Dares in the Early Italian Humanism: A Reassessment. *Atlantide. Cahiers de l'Équipe d'Accueil EA-4276 de l'Université de Nantes*, 2 (http://atlantide.univ-nantes.fr/IMG/pdf/atlantide-2-prosperi.pdf).

Raynaud de Lage G. (1976) *Les premiers romans français et autres études littéraires et linguistiques*, Genève: Droz.

Rigall J.C. (1999) *La Materia de Troya en las letras romances del siglo XIII hispano*, Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela.

Rodericus <Sancius de Arevalo>; Steinhöwel, Heinrich [Übers] [Hrsg.] Speculum vitae humanae, deutsch (Spiegel des menschlichen Lebens). Augsburg, um 1476 [GW M38511] (http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ir00231000/0001)

Rollo D. (1995) Benoît de Sainte-Maure's Roman de Troie: Historiography, Forgery, and Fiction. *Comparative Literature Studies*, 32 (2): 191–225.

Rollo D. (2000) *Glamorous Sorcery: Magic and Literacy in the High Middle Ages*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Sanz M. (2009) De Johann Bämler a Martin Schott: el viaje de un texto a través de los primeros impresores alemanes. *Revista de Filología Alemana*, 17: 207–223.

Sanz Julián M. (2010) De la materia troyana a la caballeresca a través de los grabados: el uso de las imágenes en tres Historias Troyanas alemanas. *eHumanista. Journal of Iberian Studies*, 16: 160–183 (http://www.ehumanista.ucsb.edu/sites/secure.lsit.ucsb.edu.span.d7_eh/files/sitefiles/ehumanista/volume16/9%20ehumanista%2016.sanz_julian.pdf)

Schetter W. (1987) Dares und Dracontius über die Vorgeschichte des Trojanischen Krieges. *Hermes*, 115 (2): 211–231.

Schetter W. (1988) Beobachtungen zum Dares Latinus. *Hermes*, 116 (1): 94–109.

Seret-Dereau C.-B. (2001) Le personnage d'Énée dans la littérature française. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*, 2: 195–238.

Shepard A., Powell S.D. (eds) (2004) *Fantasies of Troy: Classical Tales and the Social Imaginary in Medieval and Early Modern Europe*, Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies.

Simpson J. (1998) The Other Book of Troy: Guido delle Colonne's Historia destuctionis Troiae in Fourteenth and Fifteenth-Century England. *Speculum*, 73 (2): 397–423.

Solomon J. (2007) The Vacillations of the Trojan Myth: Popularization and Classicization, Variation and Codification. *International Journal of the Classical Tradition*, 14 (3–4): 482–534.

Spence S. (2010) Felix Casus: The Dares and Dictys Legends of Aeneas. J. Farrell, M.C.J. Putnam (eds) *A Companion to Vergil's Aeneid and Its Tradition*, Chichester: Blackwell Publishing: 133–146.

Spiegel G. (1993) Romancing the Past: The Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth-century France, Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press.

The Laud Troy Book (1902–1903) *The Laud Troy Book*. 2 vols. J.E. Wülfing (ed.), London: Kegan Paul, Trench, Trübner.

The Seege of Troye (1899) *The Seege of Troye*. C.H.A. Wager (ed.). London: Macmillan.

Troianalexandrina (2001–2015) *Troianalexandrina: Anuario sobre Literatura Medieval de Materia Clasica. Journal on medieval literature containing classical material*, Turnhout: Brepols Publishers.

Usener K. (1994) Dictys und Dares über den Troischen Krieg: Homer in der Rezeptionskrise? *Eranos*, 92: 102–120.

Warren G.L. (1988) *Translation as Re-creation in the Roman de Troie. PhD Diss.*, University of Wisconsin–Madison.

Waswo R. (1995) Our Ancestors, the Trojans: Inventing Cultural Identity in the Middle Ages. *Exemplaria*, 7 (2): 269–290.

Witalisz W. (2011) *The Trojan Mirror: Middle English Narratives of Troy as Books of Princely Advice*, Frankfurt am Main; N.Y.: Peter Lang.

Wolf K. (2008) *Troja — Metamorphosen eines Mythos. Französische, englische und italienische Überlieferungen des 12. Jahrhunderts im Vergleich*, Berlin: Akademie Verlag.